Фирман султана

Автор:
Владимир Малик

Фирман султана

Владимир Кириллович Малик

Тайный посол #2

Владимир Малик (настоящая фамилия Сыченко, 1921 – 1998) – украинский писатель, известный как автор историко-приключенческих романов (тетралогия «Тайный посол», «Князь Кий», «Червленые щиты» и др.). Его произведения ставят в один ряд с романами Александра Дюма и Генрика Сенкевича. В 1983 году за достижения в области литературы В.Малику была присуждена премия им. Леси Украинки.

В тетралогии «Тайный посол» рассказывается о борьбе украинского народа против турецко-татарских захватчиков во второй половине XVII столетия, про трагические события в Украине после Чигиринских походов и про оборону Вены (летом 1683 года). Увлекают невероятные приключения главного героя романа казака-сорвиголовы Арсена Звенигоры и его побратимов, чья самоотверженность в борьбе за «други своя», за честь, справедливость и человечность делает их настоящими рыцарями «без страха и упрека».

Владимир Малик

Фирман султана

Часть первая

На каторге

1

Каторга – унаследованное турками новогреческое слово означало общее название гребного судна с тремя рядами весел. Гребцами-пайзенами в странах Средиземноморья на каторге использовали рабов, военнопленных и преступников, осужденных на тяжелые работы. Всех этих несчастных приковывали на судне к поперечным скамьям или же соединяли одной общей цепью, пропущенной через ножные кандалы, запирающейся у носовой и кормовой перегородок крепкими хитроумными замками. Здесь, избиваемые плетью надсмотрщика, пайзены бессменно сидели за тяжелыми длинными веслами, здесь же ели и спали, здесь часто сходили с ума или умирали от изнурения и болезней.

Не было страшнее неволи, чем на каторге, или галере, как ее стали называть много позднее. Потому и вошло это слово почти во все европейские языки как синоним нечеловеческих мук, тяжелейшего наказания.

К веслам невольников приковали по трое; ближе всех к проходу оказался Арсен, посредине – Спыхальский, а Роман Воинов сидел третьим, у самого борта, в темном узком закутке.

Так их распределили не случайно. На краю валек весла имеет наибольший ход, поэтому сюда выбирали самых сильных невольников, здесь приходилось расходовать больше сил. Арсен же выглядел сильным мускулистым молодцем.

Крайним, как правило, чаще перепадало от надсмотрщика: они всегда на виду, и каждый промах, каждая попытка уменьшить усилия, чтобы чуть-чуть передохнуть, не могли укрыться от их бдительного взора. Сразу же гремело грязное ругательство, и на плечи виновного или заподозренного со свистом опускалась замашистая плеть из вымоченной в морской воде бычьей кожи.

Когда «Черный дракон» прошел Босфор и заколыхался на могучей груди моря, барабан на палубе стал бить еще чаще и надсаднее. Это означало: грести сильнее, быстрей.

Надсмотрщик Абдурахман, толстый коренастый турок, из тех турков-узников, что попали на каторгу за тяжкое преступление, а со временем выслужились, свирепо заорал:

– Сильней гребите, паршивые свиньи! Да дружно все – поднимай, опускай! Поднимай, опускай!

Весла летали, как крылья птицы. Монотонно позвякивали кандалы. Слышалось тяжелое дыхание истомленных людей: с утра уже прошло столько часов. Но барабан без умолку все гремит и гремит – там-там, там-та-там!.. Все чаще и чаще!.. Заставлял, приказывал – греби, греби! Сколько есть силы в руках – греби! Иначе…

Взлетала над головами гребцов плеть и горячо обжигала тех, кто, по мнению Абдурахмана, медлил, не проявлял надлежащего старания. Надсмотрщик был неумолим. Он сам несколько лет провел за веслом, помнит, как его избивали, и теперь, боясь потерять более свободное и сытое житье, старался угодить капудан-аге тем, что заставлял своих прежних товарищей по несчастью грести изо всех сил. Его жирное лицо блестело от пота: солнце поднималось все выше, и в тесном помещении для невольников становилось нестерпимо душно. Открытые люки, через которые время от времени врывалось немного свежего воздуха, облегчения почти не приносили.

Абдурахман смахнул со лба капли едкого пота, глянул тяжелым мрачным взором на Арсена, который как раз перекинулся словом со Спыхальским. Остроумный ответ поляка развеселил казака: на его губах появилась легкая улыбка.

– А-а-а, новичок, гяурская свинья! Поганый ишак! Смеешься?.. Я заставлю тебя работать как следует! – закричал надсмотрщик и несколько раз хлестнул невольника по плечам.

Острая жгучая боль пронзила тело казака, Арсен вздрогнул. В глазах почернело от обиды. Он греб, как и все, даже сильнее, так как у него было куда больше сил, чем у худых, изможденных рабов, многие годы просидевших у весел. От

ярости помутился разум. Бросив весло, не помня себя, он рванулся к Абдурахману. Загремела цепь, и кандалы больно врезались в ноги. Но все же кулак, в который казак вложил всю силу и ненависть, достиг челюсти надсмотрщика. Молниеносный удар сшиб толстого Абдурахмана на зашарканный деревянный пол, – он отлетел назад и крепко стукнулся головой о стенку.

Это произошло так неожиданно, что пайзены перестали грести. Весла перепутались. Каторга заметно начала замедлять ход.

Абдурахман долго лежал без движения, только судорожно хватал воздух широко раскрытым ртом. Потом застонал и открыл глаза.

Все гребцы повернули головы назад и с изумлением и страхом смотрели на Звенигору и надсмотрщика, который никак не мог подняться и лишь ошалело поводил испуганными выпученными глазами.

– Боже мой, Арсен, что ты наделал? – воскликнул пораженный Спыхальский и встопорщил давно не стриженные рыжие усы. – Он же, холера ясная, тебя забьет теперь!..

Роман молчал, но и на его лице отразился испуг.

Арсен сидел, тяжело дыша. Дрожащими руками, как клещами, сжал рукоятку весла. Понимал, что надо прийти в себя, успокоиться и что-то придумать, иначе Абдурахман и вправду изобьет, засечет плетью до смерти. Но ни одной стоящей мысли в голову не приходило. Да и что тут придумаешь?

Тем временем Абдурахман очнулся и медленно, опираясь спиной о стену, встал на ноги. Мутным взглядом обвел неподвижных, застывших в каком-то необычном напряжении гребцов. Казалось, он не понимал, что с ним произошло и почему невольники перестали грести. Удар ошеломил его, в голове все еще гудело.

Но вот его взгляд уперся в Арсена. Злобная гримаса обезобразила его круглую, как блин, физиономию. Вся его куцая, на коротких ногах фигура напряглась, а рука крепко сжала рукоятку жуткой плети.

Он шагнул вперед. Но, видимо, вспомнив, чем закончилась только что его стычка с новичком, остановился и оскалил крупные щербатые зубы.

– Гяурский пес! Не думаешь ли ты, что Аллах даровал тебе бессмертие? Ты ошибаешься! Твоя смерть на кончике моей плетки, жалкий раб! – зловеще прохрипел Абдурахман и начал издали зверски хлестать Звенигору. – Вот тебе! Вот тебе!.. Получай!..

Арсен обхватил руками голову, пригнулся. Спыхальский и Воинов подняли крик. К ним присоединились другие пайзены. На разных языках, так как здесь были люди со всех концов необъятной Османской империи и многих других стран, неслись проклятия.

– Абдурахман, кровавая собака, что ты делаешь?! – слышалось с кормы. – Забыл, как сам сидел за веслом?

– Бешеный ишак!

– Мерзавец! Чума тебя забери!

– Стамбульский вор! Разбойник!..

Оскорбительные выкрики неслись со всех сторон, но Абдурахман не обращал на них внимания. Ругань еще больше распаляла его, и он, обезумев, бил Звенигору смертным боем. Может, и убил бы казака, если б по ступеням не послышался топот ног. Несколько человек быстро спускались вниз.

– Что здесь происходит? Почему не гребут эти проклятые свиньи? – пронесся громкий властный голос. – Где Абдурахман, гнев Аллаха на его голову!

Абдурахман вытянулся, опустив руку с плетью. С лица моментально исчезла гримаса дикой злобы. Все заметили, как мелко дрожат его колени, а отвисшая челюсть начала распухать.

– Невольники взбунтовались, мой высокочтимый капудан-ага Семестаф, – пролепетал он срывающимся голосом. – Их подговорил этот проклятый гяур, эта паршивая собака, да сожрет шайтан его вонючую голову!

Надсмотрщик ткнул рукоятью плети Звенигору в бок.

Капудан-ага Семестаф сошел с последней ступеньки и остановился перед Абдурахманом. Это был высокий пожилой турок с седоватой бородой и красивым лицом, которое не мог испортить даже шрам, красным рубцом пересекавший щеку. Позади него стояли два корабельных аги.

– Разве мало батогов на моем судне, чтобы заставить этот скот работать как следует? – мрачно спросил паша Семестаф.

– Именно этим я и занимался, всемилостивый мой повелитель, – поклонился Абдурахман. – Но этот гяур ударил меня в лицо.

Паша Семестаф взглянул на Арсена. В этом взгляде не было ни интереса, ни теплоты, – так смотрят на вещь, неизвестно как попавшую под ноги, или на норовистую скотину, которую нужно укротить.

– Бунт на корабле карается смертью. Но не станем же мы убивать непокорного ишака, – хватит с него и нескольких ударов плетью! Вот и всыпь этому мерзавцу так, чтоб поумнел, но сохранил силу грести. В море мне нужны гребцы живые, а не мертвые!

Но, к удивлению капудан-аги, невольник выпрямился, высоко поднял голову и заговорил на чистейшем турецком языке:

– Почтенный капудан-ага ошибается, считая меня всего лишь ишаком. Хотя сегодня я раб, но не утратил человеческого достоинства, как эта свинья Абдурахман! Поэтому я предпочитаю умереть, чем сносить незаслуженные оскорбления!

Капудан-ага с нескрываемым любопытством взглянул на невольника. Абдурахман тоже вытаращил глаза, услыхав изысканную турецкую речь из уст раба-гяура.

– Ты турок? – спросил Семестаф-ага. – Как ты здесь оказался?

– Я купец, высокочтимый эфенди. Меня коварно схватили мои враги и продали в рабство. Такая же доля может постичь каждого правоверного, от которого отступится Аллах, пусть славится имя его!

– Как тебя зовут?

– Белук, эфенди. Асан Белук, купец и сын купца, а теперь – раб нашего наияснейшего падишаха, пусть живет он десять тысяч лет!

– Гм, интересно, – буркнул Семестаф-ага. – А богат ли твой отец?

– Достаточно богат, чтобы купить такой корабль, как «Черный дракон», и приобрести для него гребцов.

– О! – вырвалось у паши. – Почему же он не выкупит тебя?

– Он не знает, куда я запропастился. А я не могу подать ему весть о себе. Как догадывается высокочтимый ага, в моем положении это нелегко сделать. К тому же мой отец, пусть бережет его Аллах, живет в Ляхистане, в городе Львове… А это неблизкий путь…

Арсен старался заинтересовать капитана возможностью получить за него выкуп, но с единственной целью – заручиться заступничеством перед Абдурахманом, который горит неистовым желанием засечь невольника. Конечно, рано или поздно обман откроется, и тогда капудан-ага, чего доброго, сам прикажет истязать обманщика или даже казнить. Но далекое будущее мало тревожило казака. Главное – спастись сейчас. А что будет через год или два, и думать не хотелось.

– Ну вот что, Белук-ага, – сказал капитан, – мы плывем в Килию, и там я постараюсь найти человека, который даст знать о тебе твоему отцу. Пусть старик готовит деньги. Но до тех пор, пока я не узнаю точно, сколько за тебя дадут, ты останешься сидеть у весла и должен грести наравне со всеми. Если же будешь проявлять непокорность, Абдурахман быстро угомонит тебя… Ты слышишь, Абдурахман?

– Слышу, милостивый ага, – согнулся дугой надсмотрщик и зло, исподлобья глянул на невольника.

– А теперь за работу, негодные свиньи, – вдруг закричал капудан-ага, – если хотите получить свою миску чорбы!.. Абдурахман, неужто твоя плеть стала такой легкой, что не может заставить поворачиваться этих тварей живее?

Абдурахман только и ждал этого приказа. С высоко поднятой плетью он набросился на гребцов. Посыпались удары направо и налево.

– За весла, проклятые гяуры! За весла!

Невольники поспешно начали грести. Каждый пытался уклониться от жестокого удара. Но Абдурахман не пропустил ни одного – всех наградил, кроме Арсена, которого пока что опасался трогать, не зная, как может отнестись к этому капитан судна.

2

Дни были тяжелы, а ночи еще тяжелее. Короткое время отдыха, когда каторга ложилась в дрейф или шла под парусами, если дул попутный ветер, невольники проводили здесь же, на широких скамьях. Изнуренные нечеловеческой работой, голодные, они подолгу не могли заснуть, стонали, молились или потихоньку проклинали свою судьбу.

Арсена по ночам мучили кошмары, терзали черные мысли. Несколько ночей подряд снился ему Гамид. Страшный, обрюзгший, с перекошенным от злости лицом, с выпученными глазами, он держал в руке раскаленный добела железный прут и целился им казаку прямо в глаза… Привязанный веревкой к дереву, Арсен не мог ни убежать, ни увернуться. Острый конец прута, с которого сыпались голубые искры, все ближе и ближе… Уже пышет в лицо жаром – вот-вот вопьется в глаз жуткий прут, и наступит вечная тьма!

Лоб казака густо покрывается потом. Он хочет закричать – и не может, голоса нет. Все мускулы напряглись, веревки врезаются в тело… И в последний момент,

когда железо едва не касается глаза, он просыпается.

Вокруг темнота. Душно. Слышен глухой шорох волн за бортом да храп и стоны невольников. Арсен облегченно вздыхает, вытирает рукавом лицо и всматривается в низкий дощатый потолок. Долго лежит с открытыми глазами, старается заснуть, но не может. В голове роятся мысли и воспоминания. Оживает в памяти мать, сестренка Стеша, старый дедусь, которые, наверное, уже и надежду потеряли увидеть его живым, вспоминает Златку… Но чьи бы лица ни представлял себе, какие бы картины прошлого ни всплыли перед ним, он не мог долго любоваться ими, – сразу же одолевала неотступная жгучая мысль: как освободиться? Неужели ему суждено провести оставшиеся годы жизни на каторге? Неужели не представится счастливого случая для побега?

Осторожно, чтобы не разбудить товарищей, Арсен поднимается, садится на скамье и начинает перебирать в мыслях всевозможные варианты освобождения.

Нападут на судно запорожцы – захватят его. Вот и свободен… Но нападут ли? Не придется ли ждать этого десять, а то и двадцать лет – и, наконец, не дождавшись, погибнуть в отчаянии?

Может, воспользоваться золотом кошевого Сирко?.. Но как? Если Семестаф-ага узнает – просто отберет! Пропадет пояс с монетами ни за что ни про что! К тому же останутся в неволе Роман и Спыхальский. А этого он и в мыслях не допустит. Уж если вырваться на свободу, то только вместе!

Перебить охрану и захватить корабль?.. Легко подумать, а сделать – никакой возможности. Прежде всего из-за проклятых кандалов и цепи, на которую их нанизали, как рыбу на кукан.

Становилось ясно, что единственный путь к освобождению – перерезать или перетереть цепь. Тяжелая, кованая, она пропущена под ногами гребцов сквозь кандалы, черной змеей извивается под скамьями и не позволяет ни одному невольнику отойти от своего места дальше чем на один-два шага.

Арсен нащупал в темноте несколько звеньев, поднял, положил на колени. Цепь как цепь. Таких на Сечи много, – их выковывали в кузнях для разных хозяйственных нужд. Но здесь это не просто цепь, а враг, которого необходимо одолеть.

Но как?

Порвать? Не перервешь! Перерубить или перепилить? Нечем.

Что же делать?

Арсен мысленно перебрал десятки разных способов. Однако ни до чего путного не додумался. В бессильной злости намотал цепь на обе руки и рванул изо всех сил… Железо загремело, зазвенело, словно смеясь над его бессмысленным усилием. Он бросил цепь под ноги, беспомощно улыбнулся в темноте своей наивности и, обхватив руками голову, повалился на скамью.

Но мысли точат мозг, как шашель дерево.

Вот если бы достать кусок камня-песчаника – им можно бы постепенно перетереть одно из звеньев. Как бы не так! Где его взять? На берег невольников не пускают! Из турок никто такой услуги не окажет… Незачем тешить себя призрачной надеждой!..

Вдруг вспомнилось, как дома, еще в Каменце, сорвалась однажды с цели собака и набросилась на вошедших во двор нищих. Арсен тогда был еще мальчиком, но до сих пор помнит, как большой лохматый Цыган с разгона рванулся вперед, к незнакомцам, как звякнула и перервалась натянутая, как струна, цепь, как закричали в испуге нищие, отбиваясь посохами. Отец выбежал из мастерской и оттащил собаку назад, к будке. Нищих как ветром сдуло со двора. А отец, удивленный тем, что случилось, поднял с земли цепь.

«Какой сильный наш Цыган», – сказал тогда маленький Арсен.

«Не в силе дело, – ответил отец. – Глянь-ка сюда. Видишь?» – и показал обрывок цепи.

Звенья ее в местах соединения так перетерлись со временем, что были не толще капустного листка.

«Ишь ты! – удивлялся тогда мальчик. – Такое крепкое железо, а перетерлось…»

«Время и железо переедает, сынок», – ответил отец и отбил молотком скобу, чтобы отдать цепь кузнецу для перековки.

Тогда Арсен так и не понял, как это время может переедать железо. А теперь, вспомнив то происшествие, чуть не вскрикнул от радости и даже подскочил на скамье. Затормошил Спыхальского и Романа, разбудил и зашептал:

– Вставайте! Да вставайте же! Хватит спать, сто чертей вам в бок!

– Что случилось, Арсен? Завтрак раздают? – спросонья загудел Спыхальский. – Но еще ж рано, пся крев!

Арсен зажал ему рот рукой.

– Тс-с-с, пан Мартын… Думка тут одна пришла… Не хотели бы послушать о ней?

– А чтоб тебе стонадцать болячек!.. Стоило по-пустому будоражить человека среди ночи? – рассердился Спыхальский, громко зевая.

– Помолчи-ка, пан Мартын! – прошептал из угла Роман. – Дай дело послушать! Говори, друже.

Арсен наклонился к ним и зашептал:

– Други, случай для побега может подвернуться не скоро. Но готовиться к этому мы должны. Что я надумал? Так вот, нужно тайно перетереть цепь, чтобы в подходящее время разорвать ее и бежать с галеры или вступить в бой с турками. Это единственная наша надежда, единственная дорога на волю!

И Роман и Спыхальский схватили Арсена за руки:

– Как, у тебя есть чем пилить цепь?

– Нет, други, у меня ничего нет… Но наше терпение перетрет и железо! Будем тереть одно звено – железо об железо! Вам приходилось когда-нибудь видеть старую цепь? Не примечали разве, как стираются некоторые звенья? Так что таким дюжим казачинам, как мы с вами, ничего не стоит ее разорвать!

– Перетереть эту цепь? – разочарованно прошептал Спыхальский. – О Матка Боска!

– Конечно, не за день и не за два, пан Мартын! Может, за полгода, а то и за год… Должно же рано или поздно железо нам поддаться!.. А иначе что делать? Сидеть за веслом до смерти? Или, может, ты придумал что получше?

Спыхальский только запыхтел.

А Роман, по-тульски «акая», быстро заговорил:

– Другого выхода у нас и вправду нету! И чем скорее начнем, тем лучше! Сегодня! Сразу! Я согласен ночь не спать – до утра буду работать! Да еще как! Самого черта перетру… А следующую ночь – Арсен, а там – ты, пан Спыхальский… Так и будем чередоваться… Ну как?

– Дело говоришь, Роман, – похвалил Арсен. – Будем работать по ночам.

– Как же нам ночью узнавать то звено, что будем перетирать? – спросил Спыхальский. – Не кошачьи глаза у нас.

– Если б эта помеха была самой трудной! – произнес Арсен. – Завяжем на соседнем звене какую-нибудь ленту – вот тебе и метка! – И оторвал от шаровар узкую каемку.

3

Прошло лето. Незаметно наступила осень с порывистыми северными ветрами, опостылевшей изморосью. Море стало мрачным, неприветливым. С поверхности исчезла приятная голубизна, ласкающая взор, – вместо этого все чаще возникали пенистые буруны, и тяжелые холодные брызги долетали на нижнюю палубу к гребцам.

Невольникам дали старые дырявые кафтаны и бешметы. Но они не спасали от холода и пронизывающего сырого тумана. Люди мерзли, коченели. Многих душил кашель, и гребцы беспрерывно бухыкали, надрываясь.

«Черный дракон», как и другие турецкие военные корабли, все лето и осень сновал между Стамбулом и крепостями в устьях Днепра, Днестра и Дуная. Турция вела большую войну против Москвы и Украины под Чигирином, и стотысячное войско великого визиря Ибрагима-паши требовало много боеприпасов и продовольствия. Все это доставлялось главным образом по морю – силой невольничьих рук.

Обратными рейсами везли раненых, награбленные на Украине богатства и ясырь – живой товар.

С конца лета, когда Ибрагим-паша стал терпеть поражения, «Черный дракон» перевозил потрепанные войска в Болгарию, на зимние квартиры.

Невольники не знали передышки. Капудан-ага Семестаф, желая выслужиться, каждый рейс старался сделать быстрее других кораблей, поэтому требовал от надсмотрщиков выжимать все силы из гребцов.

Абдурахман, словно в него вселился сам шайтан, бесновался как никогда. Он бегал по помосту, извергая потоки проклятий и ругательств, нещадно избивал каждого, кто хотя бы на миг уменьшал усилия или перекидывался словом с соседом. Свою прежнюю плеть он заменил таволгой с терном. Связанные в тугие пучки прутья таволги и жесткого терна, усеянного крепкими и острыми, как иголки, колючками, висели на стене его каморки. Розовая таволга, покрывавшая густыми зарослями склоны оврагов и радовавшая взор своим приятным цветом, стала для невольников ужаснейшей пыткой. Тяжелые прутья колючками рвали тело даже сквозь плотную зимнюю одежду.

Все лето Абдурахман обходил Арсена стороной, помня его разговор с Семестафом-агой.хотя и бросал на казака злобные взгляды. Но продолжалось это лишь до осени, до того самого дня, который, как думал Арсен, придет не раньше, чем через год или два.

В этот день Семестаф-ага спустился вниз к невольникам – время от времени он заглядывал во все закоулки корабля – и сказал Звенигоре:

– Белук-ага, я получил сообщение из Львова… Оказывается, там действительно есть несколько турецких купцов. Но, к сожалению, никакого Белука среди них нет. Чем это объяснить, Белук-ага?

Арсен никак не ожидал, что капитан так быстро узнает о его обмане и, застигнутый врасплох, на минуту замялся:

– Как – нет?.. Неужели он… умер?

– Э-э, нет, дело в том, что он и не умирал. Он никак не мог умереть, ибо вообще не существовал на свете, жалкий раб! Я поверил тебе, презренный, и поплатился за свое легковерье – выбросил на гонца несколько курушей, которые надеялся вернуть приумноженными. А теперь знаю, что потерял их совсем!

В это время Абдурахман стоял сзади и внимательно прислушивался к беседе. На его плоском лице проступало торжествующее злорадство.

– Странно, – сказал Арсен. – А не мог тот человек ошибиться, эфенди?

– Не думаю. Он не первый раз выполняет мои поручения.

– И все же он был обманут.

– Кем?

– Моими врагами, которые продали меня в неволю.

– Я не желаю больше тратиться на тебя, раб! С меня хватит! Ищи теперь сам пути известить кого хочешь! – резко бросил капудан-ага и, повернувшись, вышел.

В тот же день вечером Абдурахман зверски избил Арсена. Причины он и не искал. Просто считал, что настало его время. Схватив прут таволги покрепче и подлиннее, он подскочил к казаку и с размаху ударил по спине. Тонкие колючки глубоко впились в тело. Арсен вскрикнул от резкой боли, пригнулся. А удары сыпались один за другим… Таволга стала красной от крови.

Кровавые брызги покрыли одежду и руки Абдурахмана. Он с сатанинской злобой хлестал невольника. Долго ждал он этой минуты и теперь мстил и за удар, и за испытанное тогда унижение.

Воинов и Спыхальский подняли крик. Их поддержали остальные невольники. Прибежавший на шум корабельный ага оттащил Абдурахмана и с омерзением швырнул в темный угол окровавленную таволгу.

Арсен не помнил себя от боли. Вся спина была истерзана и горела огнем. Стиснув зубы, чтобы не кричать, он еле держался за рукоять весла. А отпустить его не мог: это дало бы повод Абдурахману к новым истязаниям. Спыхальский и Воинов гребли и за него.

В эту ночь была очередь Арсена перетирать цепь. Но не то чтобы работать, он даже уснуть не мог. Лежал на животе и широко открытыми глазами глядел в темноту. Роман взялся выполнить ночную часть работы Арсена, а пан Мартын, хотя и любил поспать, заснуть не мог, потрясенный свирепым нападением Абдурахмана.

– Надо что-то придумать, братья, – шептал он. – Если до зимы не вызволимся, то пропадем, ей-ей, на этой проклятой каторге, разрази ее гром! И помину не останется!.. Боюсь я за тебя, Арсен… Абдурахман, пся крев, не даст тебе житья, друг ты мой любимый… Тьфу, голова трещит от думок, а ничего толкового нет как нет!

– Да что тут надумаешь, пан Мартын? – отозвался Роман, изо всех сил перетирая цепь. – Вот сорвемся с привязи, тогда будем гадать… Немного осталось – больше половины перетерли. Вот ударить бы раз, другой, так и сегодня цепь распалась бы!

– Жди! А тем временем Абдурахман с Арсена шкуру, как старый жупан, сдерет… Да и с нас заодно!

– Ну что ж, надо его упредить! Задавить пса, прежде чем он нас загрызет!.. Лет шесть тому назад, когда отец наш, атаман Стенька Разин, заварил на Дону и на Волге кашу и стал громить боярские да помещичьи усадьбы, барский приказчик, кровавый пес, наговорил хозяину, что я парней подговариваю идти на помощь к Разину. Велел барин схватить меня и забить насмерть батогами. Но и я не лыком

шит! Как только верные люди шепнули мне об этом, я с друзьями подстерег приказчика в перелеске, когда он возвращался домой, и подвесил на березе. А потом, дождавшись ночи, незаметно пробрался к помещичьему двору, под стогом сухого сена высек огонь и хорошенько раздул его… На десять верст освещал нам пожар дорогу на Дон! И на сердце веселее стало оттого, что не с пустыми руками прибудем к славному атаману Разину…

– Гм, так вот ты, оказывается, какая птица, пан Роман, – промолвил Спыхальский. – А я и не знал… Ох и везет же мне на вас, шалопутные, Перун вас покарай!.. То пана Квочку встретил, царство ему небесное, теперь вот тебя, Роман… Может, и ты, пан Арсен, такой же, как и они? А?

– Все мы из одного теста, пан Мартын, – морщась от боли, усмехнулся Звенигора. – Но ты лучше не занимай этим голову. Мы, в общем-то, все неплохие люди!..

– Га, га, га! – потихоньку засмеялся Спыхальский. – В этом я и не сомневался… Мне сейчас стало весело от мысли, что и я наберусь от вас разбойного духа своеволья. А вернусь на родную землю, в Польшу, натравлю хлопов против вельможного панства и пойду гулять по городам и весям, как Костка Наперский[1 - Костка Напе?рский (ок. 1620 – 1651 гг.) – руководитель крестьянского восстания в Польше в 1651 г.]. О пан Езус!

– Сперва дай выбраться из этой дыры, пан Мартын.

– Так-то оно так, проше пана… Вот я и думаю, к чему это рассказал нам пан Роман притчу из своей жизни? Не упредить ли и нам своего обидчика Абдурахмана и укокошить его прежде, чем он сдерет шкуру с нас? А?

– А что?! Славная мысль! – согласился Арсен. – Только дайте хоть немного очухаться. Но перетирать цепь надо как можно скорее. Время не ждет!

Долго еще они шептались в темноте. Никто не обращал на них внимания, никто не прислушивался к их шепоту. Только наверху где-то шумел ветер, завывая в снастях корабля, да словно из глубин моря доносился глухой жалобный стон. И, как эхо, отвечали ему стоны невольников, которые бредили во сне. Слышался перезвон кандалов, когда кто-нибудь переворачивался или распрямлял ноги.

4

На следующий день ветер усилился. Грести стало тяжелей. Корабль бросало, как на качелях.

С палубы доносились взволнованные голоса корабельных старшин. Из отдельных слов, долетавших в тесное помещение пайзенов, Арсен понял одно: приближается буря!

Он сразу же поведал об этом товарищам.

– Роман, брат, как хочешь, а цепь перервать надо сегодня! Мы с паном Мартыном будем грести одни… Остерегайся только, чтоб Абдурахман не заметил!

– Зачем же рисковать? – удивился Роман. – В бурю легче совершить то, что задумали. Да и надсмотрщика способнее будет схватить. Смотри, как кидает его, сатану! Не удержится на помосте да, глядишь, очутится как раз в моих объятиях! Тут ему и каюк!..

– Не болтать, собаки! – издали заорал Абдурахман и, подскочив к Арсену, несколько раз хлестнул плетью.

Невольники опустили головы и дружней налегли на весло.

– Ну, погоди, пся крев, – прошептал Спыхальский, – попадешься ты мне в руки!..

Весь день Арсен и Спыхальский ворочали тяжелое весло вдвоем. Роман, покачиваясь в такт с гребцами, яростно тер железные кольца. Они жгли ему руки. Тогда он плевал на раскаленный металл и снова, еще неистовее, тер.

Перед вечером «Черный дракон» словно налетел на какую-то подводную преграду. Гребцов швырнуло так, что они слетели со скамей. Сломалось несколько весел. Абдурахман распластался на помосте и долго не поднимался. Послышались крики отчаяния и страха. Кто-то начал громко молиться.

Роман не держался за весло, и его отбросило сильнее других. Он упал со скамьи и, выставив руки вперед, чтобы не удариться головой о дубовую перегородку, покатился в носовую часть судна. Сильно ожгло ноги, – невидимая сила сдирала кандалы вместе с кожей. В тот же миг вскрикнул от боли Спыхальский. Перекрывая неимоверный шум и гвалт, его густой голос, казалось, заглушил и стоны невольников, и треск ломающихся весел, и рев бури.

Никто не понял, что случилось. Медленно поднимались невольники, охая и потирая бока. Абдурахман позеленел от страха, бледными губами шептал молитву.

И тут все вдруг ощутили, что корабль не так качает, как раньше.

– Братья, тонем! – испуганно закричал кто-то.

– Езус-Мария! – выдохнул Спыхальский.

Вновь поднялся неистовый крик. Абдурахман бросился к лестнице и быстро полез вверх. Вскоре он вернулся с корабельным агой.

– Тихо! – гаркнул ага. – Чего разорались, бешеные ослы? Корабль не тонет! Слава Аллаху, капудан-ага Семестаф – да продлятся его годы – мастерски ввел его в тихую бухту, и мы здесь переждем бурю. Разобрать весла – и всем за работу! Надо отвести судно в безопасное место, там заночуем.

Шум улегся. Сломанные весла выбросили. Невольники принялись за работу. Никто на них теперь не кричал, никто не избивал: всех подгоняло желание спастись от смерти. Даже Абдурахман вроде притих и только исподлобья зло поглядывал на гребцов.

Снова ударил барабан, однако его глухие звуки уже не вызывали у невольников ненависти и отвращения, а казались предвестниками спасения.

Арсен и Спыхальский тоже с силой налегли на весло. Собственно, тянул его один Спыхальский, – стонал, а тянул, чтобы не выбиться из размеренного ритма и не отстать от других. Арсен помогал ему очень слабо: в изувеченной спине каждое движение отдавалось такой болью, будто на обнаженные, кровоточащие мышцы

бросали горячую золу.

Роман возился в своем углу с цепью.

Вдруг он тихонько вскрикнул:

– Братья, готово! – От радости голос его дрожал. – Гляньте, цепь порвана! Недаром мне ноги едва не оторвало… Такой удар был!

Спыхальский от радости подскочил на скамье:

– Ха, холера ясная! Дождались! Наконец-то!

– Тс-с-с! Спокойно, панове-братья, – прошептал Арсен одними губами. – Роман, берись за весло! Ни словом, ни жестом нельзя выдать себя! Сейчас надо быть особенно осторожными… Поговорим ночью!..

Не веря самому себе, Роман дрожащими пальцами еще раз ощупал разорванное звено цепи и взялся за весло.

За бортом корабля бесновался северный ветер.

5

«Черный дракон», почти не различимый в ночной темноте, слегка покачивался на волнах небольшой тихой бухты, окаймленной с суши высокими холмами.

Когда бросили якорь, капудан-ага Семестаф разрешил уставшим морякам отдыхать, а сам, оставив на палубе двух вахтенных, опустился в своей каюте на колени и зашептал:

– О Аллах! Всемогущий и всемилостивейший Аллах! Ты один даровал моим рукам твердость, а сердцу – мужество! Благодарю тебя!.. Я спас корабль падишаха, а с ним – свою жизнь и честь. Пусть славится имя твое до самого воскресения

мертвых! Пусть власть твоя распространится на все земли неверных!

Поднявшись, он разделся, задул светильник и лег на узкую койку. У него отлегло от сердца: смелым маневром войдя в знакомую бухту, он спас судно и сам избежал верной гибели. Теперь можно спокойно поспать!

Грозно ревела буря за каменистой косой, отгородившей бухту от моря, и мысль о том, что могло произойти с «Черным драконом», останься он среди разбушевавшейся стихии, отгоняла сон, будоражила душу. Припомнилось, как судно, входя в бухту, врезалось в песчаную мель и чуть не опрокинулось. Он сам едва удержался на капитанском мостике, схватившись за поручни… Но, слава Аллаху, пронесло! Теперь корабль в безопасности! Дня за два буря утихнет – и снова можно будет выйти в море.

Под шум ветра и течение собственных мыслей капудан-ага незаметно заснул.

Казалось, весь корабль был погружен в сон. Часовые – на корме и на носу судна – натянули поглубже башлыки, плотно закутались в длинные накидки и, примостившись в защищенных от ветра местах, спокойно дремали. В тесных и душных каютах храпели моряки. На нижней палубе время от времени позвякивали во сне кандалами невольники.

Не спали только Звенигора, Воинов и Спыхальский. Молча лежали впотьмах, выжидая, пока на корабле все заснут.

Протяжный свист ветра и глухой рокот бушующего моря благоприятствовали их замыслам.

Около полуночи Роман осторожно вытянул из кандалов свободный конец разорванной цепи. Потом помог товарищам. Теперь они были почти свободны! Правда, оставались кандалы на ногах и находились друзья все еще на корабле, но это уже не так страшило.

Превозмогая боль, терзавшую спину, Арсен первым поднялся с ненавистной скамьи, тихо подошел к каморке, где спал Абдурахман. Легонько нажал плечом на дверь. Она приоткрылась. Из каморки донесся могучий храп надсмотрщика.

– Погоди, Арсен! Дай-ка мне! – прошептал Спыхальский и протиснулся в каморку. Вытянул в темноте свои длинные сильные руки и нащупал постель Абдурахмана. – Пся крев! Добрался-таки я до тебя!..

Почувствовав на шее грубые пальцы, надсмотрщик проснулся и испуганно вскрикнул. Но Спыхальский зажал ему рот огромной ладонью.

– Арсен, растолкуй антихристу, что к чему. Скажи, что сожалеем, не имея возможности высечь как следует таволгой, холера б его забрала!

– Кончай скорей, пан Мартын! – прошептал Арсен. – Некогда!

Абдурахман так и не понял, что произошло. Правая рука Спыхальского сжала ему горло, как клещами. Он метался недолго и вскоре затих.

– Один готов! – коротко оповестил Спыхальский и, вытирая руку о штаны, с отвращением сплюнул.

Тем временем Роман разбудил всех невольников:

– Тихо, братцы! Вытаскивайте цепь. Сейчас закончится наша неволя!

Невольники быстро вытащили из кандалов толстую длинную цепь, которая держала их возле весел на привязи. Освобождаясь от нее, люди тут же вскакивали со скамей, натыкались в темноте друг на друга, гремели кандалами.

– Да тише вы, черти! – прикрикнул приглушенно Арсен. – Стража услышит!..

Невольники застыли на своих местах. Спыхальский тем временем нашел в карманах Абдурахмана кресало и трут, высек огонь, зажег светильник. Тускло-желтый свет обозначил в темноте напряженные, окаменевшие лица гребцов.

Арсен выступил вперед:

– Братья! Настал час, когда мы сможем освободиться! Берег – рукой подать! Доберемся вплавь… Осталось одно – снять часовых на верхней палубе. Если удастся это без шума, мы спасены! На берегу собьем кандалы – и кто куда! Там

уже каждый – хозяин своей судьбы… А сейчас – чтобы тихо!.. Мы с друзьями снимем часовых. Нам нужен еще один крепкий парень в помощь. Кто желает?

– Я, брат Звенигора, – послышался голос скормы, и в тусклом свете медленно поднялась высоченная фигура.

– Кто ты, человече? Откуда меня знаешь? – удивленно спросил Арсен.

– Грива я. Помнишь семибашенный замок в Стамбуле?

Ну, как такое не помнить! Арсен обрадовался, что с ними будет еще один дюжий и храбрый казак, на которого в тяжелую минуту можно положиться. В семибашенном замке, когда турки и потурнаки вербовали среди невольников наймитов-изменников для помощи турецкому войску в его походе на Украину, Грива дал гневную и резкую отповедь отступнику Свириду Многогрешному. Такой в беде не подведет! Да и силушки ему не занимать!

– Иди сюда, брат! Почему же ты не отозвался раньше?

– Не хотел тебя выдать проклятому Абдурахману неосторожным словом. Да и сидел далеко, не с руки было, – прогудел Грива, придерживая кандалы и пригибаясь, ибо головой доставал до потолка.

Совещались недолго. Возбужденные невольники столпились у лестниц, ожидая сигнала.

Звенигора, Спыхальский, Воинов и Грива, крепко натянув кандалы, чтобы не звенели, тихо поднялись по ступеням на верхнюю палубу. Было темно хоть глаз коли. Ветер свистел в снастях и сыпал в лицо колючими дождевыми каплями. Справа грозно шумело море, слева – едва вырисовывались неясные очертания высокого берега.

Постояли немного, давая глазам привыкнуть к темноте. Вскоре Арсен с Гривой заметили на носу темную фигуру часового и стали медленно подкрадываться к нему.

Спыхальский и Роман направились на корму.

Часовой дремал и не слышал, как к нему приблизились двое. Высоко занес кулачище Грива, что есть силы ударил турка по голове, тот тяжело осел на палубу.

Арсен быстро снял с него ятаган, саблю, выхватил из-за пояса пистолет. Потом, стянув одежду и завязав ее в тугой узел, беглецы сбросили янычара в воду. Теперь осталось дождаться Романа и Спыхальского. Где же они?

Но вот из-за палубной надстройки вынырнули две тени. Спыхальский тяжело дышал. Узнав своих, вытянул вперед шею и по-заговорщически, как великую тайну, сообщил:

– Еще один!

Все поняли, что имел в виду поляк. Арсен молча пожал ему руку выше локтя. Сказал:

– Теперь – добираться до берега! Зовите людей! Да без шума. Не разбудить бы кого!

Роман метнулся на нижнюю палубу… Вскоре один за другим оттуда начали подниматься невольники. Быстро спускались по якорной цепи в воду и исчезали в непроглядной тьме.

Арсен с Романом и Спыхальский сошли с корабля последними. Холодная соленая вода как огнем обожгла Арсену спину. Кандалы на ногах тянули вниз. «Не все доплывут! Кто плохо плавает, потонет!» – мелькнула мысль. Но он ее сразу же отогнал, – надо было позаботиться о себе, чтобы самому удержаться на поверхности и доплыть до берега. Каждый взмах руки причинял нестерпимую боль. К тому же соленая вода разъедала раны, хоть криком кричи… Но Арсен только сильнее сжимал зубы и широко загребал обеими руками.

Наконец почувствовал, как кандалы коснулись дна. Проплыл еще немного и вздохнул облегченно. Под ногами – галька и зернистый песок.

Выбрался на крутой обрывистый берег и упал в изнеможении. Несколько минут лежал переводя дух.

Когда беглецы немного отдохнули и разобрались по трое, как сидели на скамьях, оказалось, что шестерых нет.

– Ждать больше нельзя, – решил Арсен. – Если утонули, то помочь уже не сможем. А если где дальше вышли на берег и сами избрали путь, то пожелаем им удачи во всем!.. Да и мы, друзья, должны сейчас расстаться. Идти по чужой земле всем скопом опасно. Судя по всему, мы находимся в Болгарии, так как до Турции по времени не могли доплыть. Теперь каждый пускай сам выбирает себе удобный для него путь! По одному, по двое, по трое разойдемся в разных направлениях, а там – ищи ветра в поле! Правильно я говорю?

– Да, да, правильно!.. – согласились все и, не теряя времени, начали небольшими группами разбредаться по побережью.

С Арсеном пошли Роман, Спыхальский и Грива. Мокрые, замерзшие, взобрались они на поросший густым кустарником холм и быстро, насколько позволяли кандалы, начали удаляться от моря. Его глухой тяжелый шум постепенно уменьшался, стихал и вскоре совсем пропал…

Светало. Из-за низкого небосвода поднимался пасмурный осенний день. Беглецы камнями сбили с ног кандалы, отжали мокрую одежду. Арсен надел кафтан и шаровары убитого часового, за пояс заткнул ятаган и пистолет, который, к сожалению, не мог стрелять, так как порох подмок, сбоку прицепил саблю. Ятаган был такой острый, что Спыхальский побрил им Арсену голову, подровнял бороду и усы, и казак стал походить на настоящего турка. Несмотря на жгучую боль, – раны на спине были разъедены солью и кровоточили, – Арсен не разрешил ни себе, ни друзьям долго отдыхать.

– Вставайте, шайтановы дети! – весело подморгнул товарищам. – Вперед! Вперед! Наше спасение – длинные ноги!

6

В первом же небольшом селении, примостившемся в глубокой балке между пологими склонами гор, они убедились, что действительно попали в Болгарию.

Чтобы не вызывать подозрения у любопытных балканджиев[2 - Балканджия (болг.) – горец.] своим одеянием и видом, Роман, Спыхальский и Грива выдавали себя за невольников, а Арсен – за янычара, который их конвоирует. Невольники, понурив головы, медленно плелись по раскисшей дороге, и, казалось, им все было безразлично. Опущенные плечи, безвольно повисшие руки, грязные заросшие лица, лохмотья, едва прикрывавшие изможденные тела, – все вызывало у добросердечных балканджиев сочувствие, и они выносили горемыкам хлеб, кислое молоко, овечий сыр и сушеный виноград.

Но как только село оставалось позади, беглецы убыстряли шаг.

За два первых дня они прошли далеко в глубь страны. Затем круто повернули на север, где синели высокие горы Старой Планины. Арсен вел товарищей в Чернаводу, надеясь встретить там Младена и Златку.

Златка! При одном только воспоминании о девушке сердце казака начинало стучать чаще, словно готовясь вырваться из груди и лететь на поиски любимой. Арсен торопился как мог. Несмотря на то, что вся спина его была покрыта ранами и каждый шаг давался ценой больших усилий, он непрерывно подгонял товарищей. И чем ярче, четче на фоне пасмурного осеннего неба вырисовывались величественные горы Старой Планины, чем ближе становился гайдуцкий край, тем сильнее Арсен спешил и волновался. Как бы не схватили их на оставшемся пути янычары, которых видимо-невидимо прибыло на постой в болгарские села и городки после неудачного похода на Украину. Сумеют ли беглецы разыскать отряд Младена, разгромленный в том несчастливом бою?.. Наконец, не давала покоя мысль о том, удалось ли Златке и Драгану найти Младена и Анку? Не попали ли они в руки янычар Сафар-бея или спахиев Гамида?

Шли большей частью кружным путем, изредка спрашивая дорогу у пастухов. Пересеченная отрогами Старо-Планинского хребта, глубокими оврагами и лесами, безлюдная местность надежно скрывала их от постороннего взгляда. В села заходили только тогда, когда донимал голод.

Перебравшись через бурливую Луду-Камчию, вошли в густой буковый лес. Черный и мрачный, без листьев, он навевал глухую тоску. С блестящих мокрых ветвей беспрерывно падали тяжелые холодные капли. Шуршала под ногами опавшая листва.

Дорога круто поднималась вверх.

Вечерело.

Где-то впереди, за густыми зарослями, глухо шумел водопад. Усталые, голодные, беглецы ускорили шаг. Надо было искать для ночлега место посуше.

Неутомимый высоченный Грива осторожно раздвинул мокрые ветви кустов и замер, приложив палец к губам:

– Тс-с-с!

– Бога ради, что еще там? – спросил выбившийся из сил Спыхальский. Усы его обвисли, и на их кончиках поблескивали капли воды.

– Хижина! И в ней кто-то есть… Видите – из трубы дымок вьется…

Беглецы остановились, выглянули из-за кустов.

Перед ними открылась большая, сбегающая книзу поляна, протянувшаяся вдоль обрывистого склона. Посреди поляны, прижавшись одной стеной к скале, стояла деревянная хижина. Дальше за нею шумел небольшой водопад.

Вокруг – ни души. Только сизый дымок над сплетенной из лозы и обмазанной глиной трубы указывал, что в хижине кто-то живет.

Друзья переглянулись.

– Обойдем или зайдем? – спросил Арсен.

Все промолчали. Но потом Роман сказал:

– Мы очень устали. Перемерзли… Нам тяжело видеть твои муки, Арсен! Тебе нужен знахарь, который залечил бы твои раны. Мы все видим, как ты теряешь силы… Думаю, нам не повредит, если зайдем в эту хижину, погреемся, отдохнем. Нас четверо. Кто нас может обидеть?

– Я тоже так думаю. Здесь, наверное, живут пастухи или лесники. Не янычары же, чтоб им пусто было! – поддержал Романа Спыхальский. – К тому же у каждого из нас добрая дубина в руках. А у Арсена – ятаган… Кого же нам бояться, панство?

– Тогда пошли, – согласился Арсен.

Они вышли из леса и стали медленно приближаться к хижине. Арсену показалось, что в маленьком оконце, затянутом прозрачным бараньим пузырем, мелькнула неясная тень. Кто-то их уже заметил? Но навстречу никто не вышел. Грубо сбитая из тесаных досок дверь была плотно прикрыта. Казак приоткрыл ее, заглянул внутрь:

– Здравейте, люди добрые! Есть ли здесь кто?

Ответа не последовало.

Арсен открыл дверь шире, и все четверо вошли в хижину. Это была довольно большая комната, в которой, без всяких сомнений, только что были люди. На широкой лавке, у стены, лежали два кожуха из овчины. На столе стояла большая глиняная миска, полная горячей чорбы. Возле миски – две деревянные ложки. Хлеб.

В углу комнаты печь с лежанкой из дикого камня. В ней весело пылали сухие буковые дрова. От огня по стенам плясали красноватые отсветы и веяло теплом.

– Гм, сдается, мы здесь непрошеные гости, – сказал Грива. – По всему видно, что хозяева заметили нас и поспешили спрятаться. Куда? Во всяком случае, в дверь навстречу нам они не выходили!

– Но здесь имеется еще една дверь, проше пана, – указал Спыхальский на темную деревянную стену, перегораживающую хижину пополам. – Разрази меня Перун, если за ней не стоит по крайней мере один из тех, кто собирался хлебать эту ароматную чорбу, которая так и щекочет мне ноздри своим душком, холера ясная!

С этими словами пан Мартын толкнул еле заметную в полутьме дверцу, и удивленные беглецы увидели во второй половине хижины несколько овец, безмятежно жующих сухое лесное сено, и высокого старого горца.

– Здравствуй, пан хозяин! – поздоровался удивленный не меньше других Спыхальский.

– Здравейте, – ответил балканджий, входя в комнату. Затем мрачно спросил: – Кто вы такие?

Арсен выступил вперед:

– Извини, друг, что мы вошли без спроса в твой дом. Но не спрашивай, кто мы. А если ты добрый человек, то прими нас в своей теплой хижине – позволь переночевать!

Балканджий пристально осмотрел янычарскую одежду Звенигоры и, нахмурив седые брови, показал рукой на лавку:

– Садитесь. Если голодны, прошу отведать моей еды.

– Спасибо, – поблагодарил Арсен. – Только я вижу, вас двое собиралось ужинать. Понравится ли тому, второму, что мы без его согласия съедим его порцию чорбы?

– Никого, кроме меня, в хижине нет, незнакомец, – ответил старик. – А вторую ложку, как велит обычай, я положил для того, кто в пути.

«Гм, хитрый старик, выкрутился, – подумал казак. – Однако меня не проведешь! Не на такого напал!.. А зачем тогда два кожуха постелены на лавке! Тоже для гостя?»

Балканджий подал еще ложки, и изголодавшиеся беглецы с жадностью набросились на горячую похлебку. Молчаливый хозяин хижины не садился к столу. Подбросил в печку несколько сухих поленьев, принес охапку ароматного сена и, настелив его в углу возле печки, вышел из хижины.

– Не нравится мне его замкнутость, – тихо произнес Роман. – Отмалчивается и зыркает исподлобья, окаянный лесовик! Не лучше ли нам удрать отсюда, пока он не привел янычар?

Однако его никто не поддержал. Спыхальский после сытной горячей еды разомлел и осоловевшими глазами поглядывал на мягкую душистую постель. Арсен совсем обессилел. Спина, покрытая язвами, зудела. Его била лихорадка. Гриве, видно, тоже не хотелось уходить из теплого дома в мокрый осенний лес.

– Ладно, остаемся. Ложитесь, друзья, спать, а я подежурю до полуночи, – сдался Роман. – Потом разбужу пана Мартына.

Все улеглись на сене вповалку. Спыхальский и Грива мгновенно уснули. Арсен долго метался в горячке, бредил, но наконец заснул и он. Только Роман отчаянно боролся со сном. Когда вошел хозяин и, задув свечку, лег на лавку, дончак ущипнул себя за ухо и широко открыл глаза. Начал прислушиваться к ночным шорохам, вглядываться в темноту. Припоминал разные истории из своей жизни… Потом дыхание его стало ровнее, веки против воли сомкнулись, и незаметно для себя он погрузился в забытье.

Первым проснулся от резкой боли в лопатках Арсен. С тех пор как его избил Абдурахман, он спал лишь ничком, на животе. Поэтому сразу почувствовал, как кто-то уселся на спину, заломил руки назад и стал вязать. От его крика проснулись все.

В хижине было светло: на столе горела свеча. Несколько мрачных незнакомцев стояли над беглецами, держа в руках пистолеты. Другие связывали руки.

Поняв, что они попали в западню, беглецы попробовали дать отпор. Грива вырвал руки и шарахнул кулаком в грудь нападавшего, но сильный удар пистолетом по голове уложил его. Досталось и Арсену с Романом. Один Спыхальский, не очнувшись как следует ото сна, заметался, извергая целый поток ругательств, лишь после того, как его руки были крепко стянуты ремнями из сыромятины.

Когда все закончилось и слышалось только тяжелое сопение связанных беглецов и их противников, один из напавших толкнул Арсена ногою в бок:

– Ну, ты, янычар, вставай! Рассказывай, какой шайтан занес тебя сюда! Да выкладывай все как на духу, собака! Не вздумай брехать!

– Да кто вы такие, черт вас побери? Янычары или гайдуки? – возмущенно спросил Арсен, предполагая, что перед ними не янычары, а, скорее, вольные хозяева гор. – Почему накинулись на нас, как псы? А ты, хозяин, хорош, потерял совесть и честь! Принял, накормил – и сам же выдал этим башибузукам?

Старый балканджий, сверля Арсена горящим взглядом, ответил:

– Никто вас сюда не приглашал! Вы сами ворвались, как ворюги! И не очень-то кричи тут, бездельник! Отвечай, пока тебя по-хорошему спрашивают! Откуда здесь появились? Кто прислал?

– Никто нас не присылал. Мы сами пришли.

– Кто вы такие? Янычары?

– С чего вы это взяли?

– Не выкручивайся, видим по шкуре!

Арсен взглянул на свою одежду, усмехнулся. Действительно, он мог вызвать подозрение у гайдуков, если это вправду они. Хотя его одежда была забрызгана грязью, сильно измята, но сохраняла еще признаки янычарского наряда.

– Такую шкуру можно и скинуть!

– Это тебя не спасет, янычар!

– Как сказать, а то и спасет… Развяжите мне руки!..

Хозяин хижины посмотрел на стройного молодого парня, который начинал допрос:

– Развязать, Коста?

Тот утвердительно покачал головой.

Сопя, старик нагнулся и перерезал ножом веревку. Расправив руки, Арсен не спеша снял янычарский бешмет. Потом взялся за сорочку. Потянул – и почувствовал острую боль по всей спине. Сорочка присохла, вросла в глубокие язвы. Стиснув зубы, изо всех сил рванул ее через голову и, скомкав, кинул в угол. Повернулся спиной к свету:

– Глядите!

В хижине стало совсем тихо. Слышалось лишь потрескивание свечи.

– О леле! – воскликнул Коста. – Что это у тебя, человече? Вся спина в язвах, в крови!

Вместо ответа Арсен, перемогая боль, спросил:

– Теперь говорите, кто вы?

– Мы – гайдуки!

Арсен с трудом присел на лавку. Даже дикая боль не помешала ему облегченно вздохнуть.

– Я так и думал… Проведите нас к воеводе Младену!

Коста переглянулся с товарищами.

– Ты, незнакомец, знаешь воеводу?

– Да.

– Кто ты и твои товарищи?

– Мы невольники. Бежали с каторги…

– Руснаки?

– Да.

– Гм… Вот так притча! – почесал затылок Коста. Видно было, что он смущен и не знает, как поступить. – До воеводы Младена далеко… Да и не имею права вести вас туда, чужеземцы… Разве вот что… Проведу я вас к Драгану, а он уже пусть решает, что с вами делать. Не так ли, друзья?

Гайдуки в знак согласия закивали головами:

– Да, да.

– К Драгану? Так это же мой друг! – воскликнул Арсен, стараясь подняться. – Ведите нас быстрее к нему!

Однако силы, наконец, изменили ему. Голова закружилась, и он, весь окровавленный, повалился на пол. К нему кинулись Роман и Спыхальский.

– Сто дзяблов! Довели, доконали человека! – ворчал пан Мартын. – Лайдаки!

Мать и сын

1

Высоко в горах, среди неприступных скал, в заросшей соснами и елями тихой долине, укрылось несколько новых хижин. Сложенные из грубо обтесанных бревен, они кажутся издалека приземистыми грибами, из верхушек которых вьются сизые дымки. Перед хижинами бормочет свою нескончаемую песню небольшой ручеек с прозрачной ледяной водой.

Там, где ручеек перегорожен, разлилось небольшое живописное озерко. На его берегу, на плоском камне, стоит девушка. Крепким березовым вальком она изо всех сил колотит мокрое белье, и от этих ударов во все стороны разлетаются брызги, словно блестящие искры.

На противоположной стороне поляны, где виднеется единственный выход из этого тесного ущелья, опираясь на суковатую палку, сидит на уступе скалы представительный мужчина в красивом, расшитом узорами кожухе и, прикрыв глаза рукой, всматривается в еле заметную тропинку, вьющуюся между скал.

– Ох, горе нам! – вдруг воскликнул он. – Опять кого-то несут на носилках! Предупреждал ведь Драгана: «Береги людей, их у нас так мало осталось, не ввязывайся в драку с янычарами! Захвати «языка» – и возвращайся назад!» Так нет…

– Кто это, отец? – вскочила девушка.

– Сейчас узнаем, Златка. Впереди, кажется, Румен, за ним – Бойко… Носилки несут… Возле них не узнаю кто… Какой-то усатый! Кто бы это мог быть?.. А вот Драгана не видно… Неужели это его несут? Убитого или раненого?

– Драгана? – подбежала Златка. – Бедная Марийка! Как она это переживет?.. Надо позвать ее!

Она вся напряглась, словно птица, чтобы лететь к своей подруге.

За время пребывания в гайдуцком стане, в отдаленном, диком уголке Старой Планины, Златка близко сошлась с Марийкой, ставшей женой Драгана. Быстро переняла от нее обычаи балканджиев, умение вести нехитрое гайдуцкое домашнее хозяйство, целый ряд словечек, характерных для говора горцев.

Отец каждый день учил дочку стрелять из пистолета, рубиться на саблях и ездить верхом на коне. Старый воевода считал, что его дочь, живя среди повстанцев, обязана научиться всему, что умеют они.

Свободная жизнь в горах, военные упражнения и посильная работа быстро закалили девушку. Она сохранила гибкость, матовую нежность лица, но

приобрела гордую, независимую осанку, загорела на солнце и ветре, в глазах, вместо покорности и страха, появилось выражение спокойной уравновешенности, решимости и готовности постоять за себя.

Это уже была не та Златка, что полгода назад, – так изменила ее жизнь.

Сейчас, в минуту тревоги, в ожидании опасности, новые черты особенно ярко проявились в ее внешности. В другое время воевода залюбовался бы дочкой – такая она была красивая, – но теперь не до того.

– Погоди! – остановил он. – Не пугай раньше времени Марийку! Да вон, кажется, и сам Драган с парнями… Он малость отстал… Нет, на носилках кто-то другой… Беги-ка приготовь все, что нужно для раненого!

Но Златка вдруг вскрикнула, бросилась вперед, к самому обрыву. И застыла неподвижно, прижав ладонь к губам, будто хотела что-то сказать и вдруг передумала. Пристально, не отрывая глаз, всматривалась в тех, кто шел впереди приближавшегося отряда.

– Что с тобой, доченька? – встревожился воевода. – Что ты там увидела?

– Отец, ты сказал – какой-то усатый. Так ведь это Спыхальский! Я тебе рассказывала о нем…

Девушка побледнела. Воевода обнял дочку:

– Не волнуйся, Златка. Это еще ни о чем не говорит. Почему ты думаешь, что со Спыхальским обязательно должен быть и Арсен?

– Не знаю… Но почему-то жутко вдруг стало на сердце…

– Успокойся, глупенькая! Сейчас мы обо всем узнаем.

Златка дрожала, как вишенка на ветру. Разве отец поймет, отчего у нее так бьется сердце, почему краска сбежала с лица и похолодели руки?.. После трагических событий в Чернаводе, когда спаслась только треть гайдуцкого отряда и воевода вместе с оставшимися построил в дикой неприступной

местности новый стан, забрав туда Златку, о бравом казаке в отряде говорили только в прошедшем времени. Восхищались его мужеством, хвалили за преданность друзьям. Но разговоры эти происходили от случая к случаю. О нем просто вспоминали порой. И никто не сомневался в том, что Арсен погиб. Только Златка и Яцько, который спасся вместе с немногими, думая о нем, верили, что он, может, не скоро, но вернется к ним. Златка только и жила надеждой на это.

И вот появляется Спыхальский! Что-то он поведает ей об Арсене?

Гайдуки приближались. Когда до стана осталось шагов триста, вперед вырвался Яцько, быстро побежал вверх к Златке и воеводе Младену.

– Златка! Зла-а-тка-а!.. – донесся его голос.

Девушка вихрем помчалась вниз. Воевода не успел даже протянуть руку, чтобы задержать ее. Златка легко, словно серна, перепрыгивала камни и мчалась навстречу гайдукам. Голос Яцька сказал ей все.

– Арсен?! Арсен!!

– Он! Живой! – Яцько весело улыбался. – Убежал с друзьями с галеры…

Последних слов паренька она уже не слышала: бросилась к носилкам. Не заметила даже, как, увидев ее, расправил рукою усы и расцвел в улыбке пан Спыхальский. Сразу узнала Арсена. Видела только его. Лежал он вниз лицом, бледный, осунувшийся, с крепко сжатыми, пересохшими от внутреннего жара губами.

Осторожно взяла его за руку. Он открыл глаза и вздрогнул:

– Златка!.. Любимая!..

Девушка молча кивнула и сжала казаку руку, стараясь совладать с собой. Арсен тоже не произнес больше ни слова, только держал в своей горячей руке холодные пальцы Златки и, пока не вынесли носилки вверх, не отрываясь смотрел на ее побледневшее, но такое милое, такое родное лицо.

С горы, припадая на раненую ногу, спешил воевода Младен.

2

Счастье, как вино, пьянит… Увидев Златку, а потом воеводу и Якуба, Арсен почувствовал, как у него, словно от хмеля, зашумело в голове. Сердце готово было вырваться из груди. Хотелось сразу обо всем расспросить, обо всем узнать.

После коротких приветствий его занесли в хижину.

– Где же… Анка? – спросил Арсен, не видя ее среди встречавших гайдуков.

Лицо воеводы помрачнело.

– Она не может выйти. Тяжело больна… Но ты ее увидишь, как только сам встанешь на ноги.

Якуб и Драган помогли Арсену раздеться, положили на широкую скамью, застеленную кошмой. Когда сняли сорочку, Якуб охнул. Вся спина казака была покрыта страшными язвами и незажившими ранами.

– Узнаю таволгу, – потемнел Якуб. – Какое изуверство!

– Да, это таволга… Прошло уже больше недели, а кажется, до сих пор в теле колючки ее торчат…

– Ну, потерпи немножко, джаным, – я помогу тебе. Сейчас мы искупаем тебя в горячей воде, настоянной на хвое и коре дуба. Потом смажу бальзамом… И всемилостивый Аллах поможет мне быстро поставить тебя на ноги, – пообещал Якуб.

Он обрадовался Арсену, как родному сыну, и торопился облегчить страдания казака. Ему во всем помогал Драган.

На другой день вечером, когда Арсен, благодаря врачеванию Якуба и заботливым хлопотам Златки, почувствовал себя значительно лучше, возле его кровати собрались воевода Младен, Драган, Якуб.

В хижине было тепло и уютно. Желтые бревна стен пахли свежей смолой. В печке весело пылали сухие сосновые ветви.

Воевода Младен за время их разлуки еще больше поседел, исхудал. Он сел рядом с Арсеном, положил раненую ногу на подставленную скамейку. Напротив, у стола, пристроились Якуб и Драган. Арсен уже знал, что молодой гайдук в последнее время стал байрактаром, правой рукой воеводы, и пользуется среди балканджиев всеобщим уважением.

– Друзья, – произнес воевода, – мы все рады, что снова собрались вместе. Если б не тяжелая болезнь Анки, нас было бы здесь пятеро. Но ей нельзя волноваться, поэтому сегодня обсудим все без нее и даже не скажем ей, о чем шла речь.

– Случилось что-нибудь серьезное? – встревоженно спросил Арсен.

– Нет… ничего особенного… Короче говоря, в наших краях снова объявились Гамид и… Сафар-бей, – тихо ответил воевода, и Арсен заметил, как мучительно задергалась у воеводы левая щека. Но Младен пересилил себя и продолжал говорить твердым голосом: – На днях Драган по моему приказу выезжал на разведку в Сливен. Мы узнали, что войско великого визиря Ибрагима-паши после неудачного похода на Украину, где оно потерпело поражение под Чигирином, возвратилось назад и расположилось на постой в Валахии и Болгарии на всю зиму. Вернулись в Сливен также Гамид и Сафар-бей со своими отрядами.

– Неужели они помирились, Драган? – быстро спросил Якуб.

– Наши люди рассказывают, что отношения у них весьма холодные. Отряды их расквартированы в разных частях города. Сами они почти не встречаются. Разве что по служебным делам у околийного каймакама.

– Постойте, постойте, я что-то не понимаю вас, – прервал друзей Арсен. – О какой ссоре между Сафар-беем и Гамидом вы говорите?

– Верно, ты этого не знаешь, Арсен, – сказал Младен. – Помнишь наш разговор с Сафар-беем в Чернаводе. После этого бюлюк-паша имел стычку с Гамидом и порвал с ним дружбу… Он даже ушел от Захариади, известного лекаря, у которого лечился и Гамид. Узнав об этом, Якуб возвратился в город и две недели лечил Сафар-бея…

– Ненко, – поправил Якуб. – Не Сафар-бея поставил я на ноги, а твоего сына, Младен, который без меня мог бы лишиться руки, а то и жизни… Рана у него была неглубокая, но опасная. Он потерял много крови. Немало пришлось повозиться с ним. И, кажется, он благодарен мне… Правда, все мои уговоры, чтобы он бросил службу в янычарском корпусе и признал тебя, Младен, и Анку родителями, успеха не имели. Как только Ненко выздоровел, он сразу же выступил со своим бюлюком в поход на Украину…

– Тысячи, если не десятки тысяч воинов, сложили там головы, а Гамид с Сафар-беем вернулись целы и невредимы, – с горечью в голосе произнес Младен.

– Младен!.. Не говори так о Ненко!

– У меня нет больше сына, Якуб…

– Но ведь Анка думает иначе!

– Она мать. К тому же больна… Но не об этом сейчас разговор, друзья. Я хочу говорить сегодня только о Гамиде. Мы все трое – Якуб, Арсен и я – имеем много причин люто ненавидеть этого человека и желать ему смерти! Но, вопреки нашему горячему желанию, этот изверг до сих пор ходит по земле и сеет зло. Настало время расквитаться с ним за все его дела! Мы не должны упустить такой удобный случай: Гамид целую зиму вынужден находиться в Сливене. Так воспользуемся этим, друзья!

– Я давно об этом говорю, Младен, – сказал Якуб.

– Да. Однако ж Гамид только сейчас появился в наших краях.

– Я не хотел бы убивать его из-за угла. Для него это слишком легкая смерть! Мы должны выкрасть его и судить сами, – горячился Якуб.

– Я полностью согласен с тобою, Якуб. А что скажут наши молодые друзья?

– Я Гамида не знаю, – сказал Драган, – но, конечно, я всегда с вами.

– Присоединяюсь к вашему союзу, – произнес Арсен. – У меня тоже есть что сказать этому выродку! Дайте только на ноги встать!

– Через две недели ты будешь вполне здоров, Арсен. Раны затянутся, а сил тебе не занимать! Да они и прибывать будут с каждым днем, – успокоил казака Якуб.

– Итак, решено: все наши помыслы, все усилия направим на то, чтобы уничтожить паскудника Гамида! – сказал Младен. – Драган, предупреди наших людей в Сливене, пусть следят за каждым его шагом!

– Он очень осторожен, собака, – ответил Драган. – Сиднем дома сидит. А если и выходит, то с охраной.

– Ну что ж, возьмем вместе с охраной. Пойдем всем отрядом! Если же не удастся поймать, рассчитаемся на месте! Никаких других действий против врага не предпринимать, пока не покончим с этим негодяем! – Младен протянул руку, и сразу же три руки протянулись навстречу и сплелись в крепком пожатии. – Клянемся: пока жив наш враг, мы не отступим от этого уговора! Если смерть сразит кого-нибудь из нас, другие отомстят Гамиду и за него!

– Клянемся!

3

Прошел месяц. Арсен поправился, набрался сил на гайдуцких харчах и горном приволье. На щеках заиграл румянец, а в глазах появился жизнерадостный блеск.

Не узнать было и его друзей. Роман ходил гоголем. К его пшеничному чубу и ярко-синим глазам очень шел гайдуцкий наряд: белый кожушок с черно-красной вышивкой и узкие белые штаны, заправленные в мягкие юфтовые сапоги. Арсен

шутил: «Ты, Роман, как девица! Хоть замуж выдавай!» Пожилой Грива стал степеннее, еще кряжистей и крепче. А пан Мартын, ощутив, как снова в жилах заиграла кровь, незаметно для других принял свой обычный высокомерный вид. Гордо задирал голову, а старательно подстриженные усы, прежде взлохмаченные и опущенные книзу, молодецки закручивал вверх.

Но в гайдуцком стане было не до радости: тяжело болела Анка. В последнее время ей стало совсем плохо.

Сразу после разгрома в Чернаводе и встречи с сыном она долго тосковала, прихварывала. Густая сизая изморозь покрыла ее пышные волосы, под глазами обозначились глубокие синие тени. Однако летом и осенью, пока было тепло, она еще держалась на ногах. Но когда над Планиной прошумели холодные осенние дожди, а потом закружились, завыли метели, женщине стало намного хуже. Жаловалась на боли в левом боку, на одышку, мерзла, несмотря на то, что в хижине с утра до ночи топилась печь. Златка не отходила от матери, поила ее горячим козьим молоком с горным медом, давала снадобья, приготовленные Якубом, обкладывала ноги мешочками с горячими отрубями и песком.

Воевода Младен еще больше осунулся и постарел.

Однажды весь стан всполошился. Слух о том, что Анке стало еще хуже, мигом облетел хижины, и гайдуки высыпали наружу. Арсен и Драган зашли в дом воеводы. Здесь пахло настоями трав и зеленой хвоей, раскиданной по земляному полу.

Анка лежала на высоко взбитых подушках, тяжело дышала. У нее в ногах сидела Златка. Якуб подогревал над огнем какое-то ароматное питье.

Драган с Арсеном остановились у порога.

Воевода, склонившись к жене, шептал:

– Анка, Анночка, что это ты надумала?.. Подожди весны – тепла, солнца! Я возьму тебя на руки, подниму на высокую гору, оттуда вглянешь на всю Болгарию. Может, милые виды ее вдохнут в тебя новые силы, а теплый весенний ветер с Белого моря отогреет твою кровь… Не болей так, моя дорогая! Не причиняй мне и Златке, и всем нашим друзьям горя! Анка!

Он опустился перед кроватью на колени, взял бледные исхудавшие руки жены, прижал их к щекам. Плечи вздрагивали от рыданий, которые он не мог сдержать усилием воли.

Златка мокрым платочком тщетно вытирала слезы. Якуб перестал помешивать в горшочке, закусил губу.

Вошедшие опустили головы.

Анка улыбнулась болезненно, виновато.

– Младен, любимый мой! Не видать мне больше наших милых гор, нашей Планины… И не вынесешь ты меня на высокую гору… Разве что мертвую… чтобы я вечно смотрела на родную Болгарию… Но и оттуда я не увижу своего сына… своего Ненко. А мне так хочется встретиться с ним… в последний раз… Хочу насмотреться на него… перед смертью. За жизнь не имела возможности насмотреться…

Она умолкла и отвернулась к стене.

Младен растерянно оглянулся вокруг.

– Но это же, милая, невозможно сделать, – сказал он тихо. – Ненко – янычар. Он в Сливене… Ты не можешь поехать к нему, а он…

В хижине повисла долгая мрачная тишина. Потрескивали дрова в очаге, гудело в трубе. Слышалось хриплое, прерывистое дыхание больной.

– А он… может прибыть сюда! – раздался вдруг голос Арсена.

Анка встрепенулась, подняла голову.

– Как?

Младен удивленно, с укоризной взглянул на казака. Но Арсен и не заметил этого.

– Мы привезем его сюда!

Воевода быстро поднялся. В его глазах вспыхнул гнев.

– Арсен, ты понимаешь, что говоришь? – И, понизив голос до шепота, добавил: – Ты обезумел! Ожидание, надежда придадут больной силы. Эти дни она будет жить надеждой на встречу… Но если Ненко не приедет, это убьет ее!

– Он приедет! Не может не приехать! А не захочет – силой привезем его!

– Как же это сделать! Вас сразу же схватят в Сливене! Там полно войск! Кроме того, мы подвергаем опасности свой новый стан…

– Младен, это… моя последняя просьба к тебе, – тихо произнесла Анка.

Воевода опустил плечи, помолчал. Потом махнул рукой:

– Ладно.

4

День был ветреный, холодный. Вместо мелкого снега, шедшего в горах, здесь, в глубоких ущельях Синих Камней, сеялась с неба надоедливая морось. Пронизывающие колючие иглы секли лица. Гайдуки кутались в грубошерстные епанчи[3 - Епанча? (тур.) – плащ, длинная широкая накидка.], глубже натягивали на головы шапки. Вздрагивали и фыркали мокрые кони.

Драган дал знак остановиться. Четыре всадника спешились, завели лошадей в узкое мрачное ущелье, привязали к низкорослым деревьям. Возле них остался Стоян. Он обнял всех уходящих:

– Удачи, друзья!

Когда стемнело, Драган, Якуб и Арсен вошли в город. Узким переулком, залитым жидкой, чавкающей под ногами грязью, добрались до базарной площади. Драган оглянулся и, убедившись, что вблизи никого нет, постучал в ставни большого высокого дома. Двери быстро открылись, показался хозяин.

– Кто тут? – спросил, присматриваясь к темным фигурам.

– Бай Димитр, поклон от воеводы, – прошептал Драган, заходя в сени.

– Прошу в дом, друзья, – так же тихо ответил хозяин и, прикрыв за собой дверь, закричал: – Майка, майка, дай нам что-нибудь подкрепиться!..

Хозяину, Димитру Ганчеву, на вид можно было дать лет пятьдесят. Движения его неторопливы, степенны, но в глубоко посаженных глазах светились юношеская сила и твердая строгость.

Когда на столе появилась тушеная баранина, Димитр впервые улыбнулся.

– Знал бы Сафар-бей, что у него под боком четверо гайдуков говорят сейчас о нем! Взбесился бы!.. Ну и ну! Кто бы мог подумать, что он – сын воеводы Младена!

– Что удалось узнать, бай Димитр? – спросил Драган.

– Выведал все, что надо. Сафар-бей расквартировал своих головорезов в янычарских бюлюках, а сам остановился у богатого спахии-онбаши.

– Это хорошо. В бюлюках его труднее было бы взять.

– Дом онбаши тоже усиленно охраняется. Сафар-бей повсюду выставил стражу.

– Вот как!

– Но рядом с онбашой живет мой старый приятель Станко. Этого не предусмотрел чорбаджия, – улыбнулся Димитр. – Правда, пришлось немало потрудиться, чтобы уговорить Станко помочь нам. Он оставит на ночь ворота незапертыми, а также выставит из сарая лестницу – ею вы воспользуетесь,

чтобы перелезть через каменную стену, которая отделяет усадьбу онбаши от двора Станко. А с той стороны спуститесь по веревочной лестнице – я приготовил…

– Спасибо, бай Димитр.

– Теперь смотрите внимательно. – Бай Димитр взял из очага головешку и начал быстро рисовать на краю стола. – Это дом онбаши. С улицы в него только один вход, – там всегда стоит янычар… Второй часовой – на углу возле ахчийницы. Третий, конный, все время разъезжает между ними. Очевидно, для того, чтобы не заснули или не отлучились куда-нибудь… Остальные янычары – более десятка – живут в одной из комнат дома, но они обычно ложатся рано. Зато сам Сафар-бей засиживается допоздна.

– У входа в его комнату часового нет?

– Внутри дома нет. А вот в саду, куда выходят окна комнаты Сафар-бея, после того, как чорбаджия ложится спать, обязательно выставляют одного янычара. Поэтому опаздывать нам нельзя.

– Еще раз спасибо, бай Димитр. Думаю, все будет хорошо. Теперь выслеживайте второго зверя – Гамида. Этого нелегко будет захватить. Но взять должны! Веди нас, бай Димитр!

5

Якуб пересек улицу и остановился напротив большого двухэтажного дома онбаши. В окнах мигал трепещущий свет свечей. Перед дверями стоял дежурный янычар.

– Вургун! Стой! Кто такой? – заступил он дорогу Якубу.

– Карамлык! – обрадовался Якуб. – Ты ли это? Вот не думал встретить знакомого! Надеюсь, ты не забыл Якуба?

– А-а, старик! Откуда ты взялся? – вытянул длинную шею янычар и покрутил небольшой, круглой, как булава, головой.

– Услышал, что бюлюк-паша с отрядом вернулся с войны, и решил проведать. Узнать о здоровье, да ниспошлет ему Аллах… И дело у меня к нему…

– Не мог другое время выбрать, старик? Ночь на дворе!

– Только вечер. А днем Сафар-бею не до меня: служба, поездки, друзья. Разве найдет он хоть минутку для старого знахаря, когда у него ничего не болит? О нас вспоминают, когда припечет!

– Ну, тебе-то он обрадуется! Чем ты сумел покорить его сердце?

Якуб не ответил на вопрос.

– Так можно пройти?

– Да иди уж… Сначала прямо, а потом – последняя дверь налево… Представляю, как удивится бюлюк-паша…

«Я тоже представляю», – подумал Якуб, шагнув в полутемный длинный коридор.

Найдя последнюю дверь, постучал. Услышав голос Сафар-бея, Якуб порывисто вошел в комнату. Освещена она была скупо, одной только свечой, углы скрыты густым сумраком. У противоположной стены, за низеньким столиком на кривых ножках, сидел Сафар-бей. Он сразу поднялся:

– Якуб? Вот не ждал! Заходи, садись – гостем будешь! Салям!

– Салям! Правда, у гяуров-урусов есть пословица: «Незваный гость – хуже татарина»!

– Ну что ты говоришь, Якуб! Я тебе всегда рад, сам знаешь! Садись.

Якуб опустился на низкую мягкую тахту, стоявшую между окнами, Сафар-бей сел напротив. Выглядел он усталым и бледным. Глаза глубоко запали, между бровями появились морщины.

– Как воевалось, Ненко?

– Не называй меня так, Якуб, – поморщился чорбаджия и с горечью в голосе добавил: – Воевалось? Очень плохо… Гяуры не отступили ни на шаг! И хотя под Чигирином нас было больше, мы не смогли взять эту крепость. А сколько верных защитников ислама сложили свои головы в полудиких сарматских степях! Сколько отважных рыцарей недосчитался падишах после месячной осады этого проклятого города!

– Чем же это объяснить?

– Аллах отступился от защитников славы падишаха!

– Нет, Ненко, не обвиняй Аллаха. Пожалуй, вся причина в том, что казаки и урусы защищали свою землю, свою свободу, и это удваивало их силы.

– Думаю, Якуб, ты не поучать меня пришел в такой поздний час?

– Конечно нет, Ненко. У меня более серьезное дело. Нас здесь никто не услышит?

– Никто. Говори смело.

Якуб наклонился вперед и положил руку Сафар-бею на плечо.

– Ненко, умирает твоя мать.

– Что?! – Сафар-бей ожидал всего, только не такого известия. По лицу промелькнула мучительная тень, которую он напрасно пытался скрыть от собеседника. – Моя мать?..

– Да, мой дорогой Ненко. Твоя мать!

– Чем же я могу помочь ей? Я даже не знаю, где она.

– Она хочет видеть тебя.

– Но это же невозможно! – воскликнул пораженный Сафар-бей.

– Почему невозможно? Какая бы стена ни разделяла вас до этого, перед смертью той, что дала тебе жизнь, она должна пасть!

Сафар-бей опустил голову. Молчал. Пальцы невольно перебирали складки широких шаровар.

– Куда ехать? Далеко? – спросил глухо.

– Я проведу тебя… Послезавтра ты снова будешь в Сливене.

– И гайдуки не побоятся впустить меня в свой лагерь?

– Мы завяжем тебе глаза. Гайдуки вынуждены будут это сделать.

– Ты говоришь так, Якуб, словно и сам гайдук…

– Не об этом сейчас разговор. Что же ты решаешь?

– Мне очень жаль разочаровывать тебя, Якуб, но я никуда не поеду. Со временем об этом станет известно бейлер-бею, Я не могу рисковать своим будущим.

– На войне ты каждый день рисковал жизнью, Ненко, и, уверен, не боялся!

– Там совсем другое. Там шла война.

– Это твое последнее слово?

– Да.

Якуб поднялся, взял со стола подсвечник со свечой и подошел к окну. Постоял в глубокой задумчивости, тяжело вздыхая и с сожалением качая головой. Не будь Сафар-бей так сильно взволнован, он заметил бы, что Якуб, пристально вглядываясь в темный сад, дважды поднял и опустил перед собою свечу. Но занятый своими нелегкими мыслями, он не обратил на это внимания. Якуб поставил подсвечник на место.

– Я думал, у тебя мягкое сердце, Ненко.

– Имея мягкое сердце, я бы не был воином, Якуб.

За окном послышался шорох и стук. Сафар-бей вскочил на ноги. С подозрением глянул на Якуба.

– Что там?

– Не волнуйся, Ненко. Тебе ничего не угрожает.

Дверь приоткрылась. В комнату бесшумно проскользнул Арсен, а за ним – Драган. Сафар-бей кинулся к стене, где висело оружие. Но Арсен молниеносно преградил ему путь и направил в грудь черное дуло пистолета:

– Спокойно, Сафар-бей! Салям! Разве так принимают гостей?

– Что вам нужно? – побледнел янычар.

– Уважаемый Якуб-ага все уже объяснил тебе. Но ты оказался бессердечным человеком. Поэтому приходится разговаривать с тобой несколько иначе. Позволь твои руки! Драган, давай веревку.

– Урус, ты мстишь мне за то, что в Чернаводе я отправил тебя в плен? Но поверь, я потом передумал и хотел приказать…

– Я знаю об этом, – ответил Арсен. – Якуб мне рассказал. И хотя благодаря тебе я почти год провел на каторге, мстить не собираюсь. Но об этом успеем поговорить в дороге. Времени у нас там хватит. Вяжи, Драган!

Сафар-бею связали руки, вывели в сад и там сразу же погрузились в непроглядную муть глубокого зимнего вечера.

– Сюда! – послышался приглушенный голос Димитра. – Быстрее!

Они перебрались через высокий каменный забор, поставили на место лестницу и молча вышли со двора. По темным безлюдным переулкам Димитр вывел их из города. Здесь Драган завязал Сафар-бею глаза, и гайдуки, распрощавшись со своим другом-ятаком, направились к Синим Камням.

6

На второй день в полдень, все тридцать гайдуков, оставшихся зимовать в горах, столпились на площадке, на краю обрыва. Младен стоял впереди. Только Златка осталась в хижине с матерью.

Снизу, по вьющейся тропинке, поднимались пять всадников. Гайдуки молча смотрели на них, собственно, на одного – с завязанными глазами. Он ехал вторым, сразу за Драганом.

– Быстрее! Быстрее!.. – закричал со скалы Яцько, размахивая шапкой. – Поторопитесь!

Воевода волновался, хотя и старался не показать этого. Но по тому, как он побледнел, а потом снял шапку и скомкал ее в руке, гайдуки могли догадаться, какие чувства бурлят в сердце их вожака. Порывистый ледяной ветер трепал его длинный седой чуб, бросал в лицо колючий снежок, но Младен не замечал холода. С обрыва неотрывно всматривался в приближавшегося к нему сына.

Наконец всадники миновали скалу, на которую забрался Яцько, и остановились перед хижинами, откуда открывался вид на глубокое ущелье, затянутое снежной мглою.

– Здравей, воевода! Здравейте, другари! – поздоровался Драган, спрыгивая с коня. – Какво правите?[4 - Какво? правите? (Болг.) – Как дела?] Как Анка?

– Здравейте! С нетерпением ждали вас! Ей хуже! – Младен обнял каждого из прибывших и остановился перед Сафар-беем. Помог ему слезть с коня, снял с глаз повязку.

Наступила гнетущая тишина. Все затаили дыхание. Хмурые обветренные лица гайдуков повернулись к янычарскому аге. Противоречивые чувства овладели повстанцами. Так вот он какой, Сафар-бей, их самый злейший враг! Молодой, статный, удивительно похожий на майку Анку, он долго щурился от света, оглядывая черными жгучими глазами гайдуков и их стан. Несмотря на усталость и волнение, которое охватило его, он старался держаться горделиво, не опускал глаз под пронизывающими взглядами гайдуков.

Узнав воеводу, застыл в напряжении.

– Здравей, сыну! – тихо произнес Младен, пристально глядя в лицо янычарского чорбаджии.

Сафар-бей не выдержал взгляда воеводы. Опустил глаза. Арсен, стоявший рядом, мог бы присягнуть, что у него задрожали губы.

– Здравей… баща[5 - Баща? (болг.) – отец.]!

Слова эти, видно, стоили Сафар-бею огромного усилия, ибо голос его дрогнул и прозвучал хрипло.

Собравшиеся заволновались, пронесся легкий, почти неслышный в порыве ветра вздох. Старый Момчил крякнул, будто у него запершило в горле. Якуб отвернулся и молча вытер затуманившиеся глаза.

– Спасибо, сын, что приехал. Пойдем в хижину, – пригласил Младен. – Там твоя майка… ждет тебя… О Боже, как долго она тебя ждала, бедная!..

Они направились к хижине. Гайдуки гурьбой двинулись за ними, но у дверей остановились.

– Сейчас мы там лишние, – произнес Якуб. – Пускай сами…

Но толпа не расходилась. Люди стояли на ветру. Снег таял на их лицах и стекал на мокрые кожушки. В мутном небе желтело круглое пятно чуть заметного холодного солнца.

В хижину вошли воевода Младен, Сафар-бей и Арсен.

Здесь пахло воском и хвоей, горела свеча. Анка лежала в углу, на широкой деревянной кровати. Ее черно-серебристые волосы рассыпались по высоко взбитым подушкам, а на бледных щеках пылали нездоровые пунцовые пятна. Глаза блестели. Дышала она тяжело.

Заплаканная Златка сидела на низенькой, наспех сбитой скамеечке возле больной, помешивала ложкой в деревянной чашке какой-то отвар.

Трое мужчин молча остановились посреди комнаты.

Анка тут же напряглась, стараясь сесть, но не смогла приподняться. Лишь руки, лежавшие поверх одеяла, взлетели вверх белокрылыми птицами.

– Ненко! Сынок мой! – прошептала взволнованно. – Это ты!.. Приехал!.. Наконец-то… Как я ждала тебя, если бы ты знал!.. Так ждала… Боялась – не дождусь… Спасибо тебе, дорогой мой…

В ее глазах дрожали слезы. Ей тяжело было говорить.

– Анка, тебе нельзя волноваться, – тихо произнес воевода.

Но больная махнула рукой.

– Ничего, Младен, любимый мой… Теперь не страшно… Мой сын со мной! – и обратилась к Сафар-бею: – Ненко, сядь возле меня… возле своей матери…

Сафар-бей медленно приблизился, сел на край кровати. Анка торопливо схватила его руку – сжала, как только смогла, своими слабыми холодеющими пальцами.

– Это ты… мой маленький Ненко… Посиди, а я посмотрю на тебя… Ничего, что ты янычар… Не твоя в том вина… Все равно… ты мой сын… Ты веришь мне?

Сафар-бей кивнул головой:

– Верю… Очень много доказательств этому.

– И ты не рад?

– Разве имеет это какое-то значение? Дети не выбирают родителей, принимают их такими, какие они есть.

– Спасибо и за это… Вижу, ты начинаешь кое-что понимать… Но не для того я тебя звала, чтобы уговаривать или убеждать в чем-то… Нет… просто я хочу… насмотреться на тебя, – она задышала еще тяжелее и умолкла, пристально вглядываясь в него своими большими глазами. – Посиди вот так… А я буду смотреть… потому что при жизни не насмотрелась…

В хижине опять наступила тишина.

Анка не сводила взгляда с сыновьего лица. Казалось, изучает каждую черточку, каждое пятнышко на нем. В ее глазах все еще стояли слезы.

Воевода, Златка и Арсен затаили дыхание. Каждый понимал, что мать прощается с сыном. Навсегда. На веки вечные. И ни единым словом не хотели нарушить священного чувства.

Понял это и Сафар-бей. Вернее – ощутил подсознательно, не без удивления заметив разительное сходство между собой и этой умирающей женщиной. Да, без сомнений, он ее сын! И нашел, чтобы сразу же потерять…

У него вдруг затряслись плечи, перед глазами все расплылось. Он обеими руками сжал ее холодеющую руку. Хрипло выдавил из себя:

– Майка… мама…

Анка вздрогнула:

– Ненко, дорогой мой… Наклонись ко мне!..

Когда Сафар-бей наклонился, она погладила его по голове, как маленького, притянула к себе – поцеловала в лоб.

– Наконец… я нашла тебя… Наконец-то!

Воевода, Златка, Арсен не сдерживали слез. Но плакали молча, не нарушая вновь и надолго установившейся в хижине тишины.

Где-то над крышей глухо шумел ветер. Потрескивала свеча. Из-за печи-лежанки, выложенной из дикого камня, в которой малиново дотлевали угли, доносились монотонные трели сверчка.

Но вот больная пошевелилась, перевела взгляд с сына на Звенигору, прошептала:

– Арсен, подойди ко мне…

Арсен приблизился к кровати. Остановился рядом со Златкой.

– Спасибо тебе, что привез мне сына… Я так рада… – Голос Анки прерывался. Ей тяжело было говорить, и Арсен сделал движение, как бы желая остановить ее, но она перебила: – Нет, нет, дай мне сказать… У меня так мало времени… Ты очень любишь Златку?

Вопрос был неожиданный, и Арсен смутился, но тихо и твердо ответил:

– Очень! – и взглянул на девушку. Ее бледные щеки вспыхнули румянцем.

– А ты, доченька?

– Я… тоже, – прошептала Златка.

Анка помолчала, внимательно вглядываясь в смущенное лицо дочери. Потом, собравшись с силами, промолвила снова:

– Дайте друг другу руки… Вот так… Прежде я боялась, Арсен, что ты отберешь у меня дочь, которую я только-только нашла. А теперь сама отдаю тебе… Береги ее… Она здесь, в гайдуцком стане, стала такой сорвиголовой… Я рада за вас… Будьте счастливы!.. Младен, дорогой мой… – Она подала ему свободную руку, и воевода, опустившись на колени, прижался к ней щекою. – Вот мы и собрались… наконец… всей семьей… Я так счастлива… мои дети снова со мною…

У Младена дрогнули плечи, из груди вырвалось глухое горестное рыдание. Златка тоже разрыдалась, не сдерживая себя. Арсен почувствовал, как по щеке покатилась теплая слеза, но не смел поднять руку, чтобы вытереть ее. Сафар-бей сидел бледный, закусив губу. Он прилагал все силы, чтобы не проявить, как привык думать, малодушия, но и он не мог сдержать слез.

Анка закрыла глаза и откинулась на подушку. Дышала тяжело, прерывисто. Из последних сил сжимала руку сына, боялась хоть на миг выпустить ее.

Отдохнув немного, встрепенулась, и сказала тихо, но внятно:

– Ненко, сынок… родной мой… Я знаю, как тяжело тебе привыкнуть к мысли, что я… твоя мать… Я понимаю тебя… Ты – отломанная ветка, которую ветер унес далеко от дерева. Ты и не помнишь того дерева, на котором рос… А я помню… твой первый крик… Потом лепет… До сих пор вижу твои веселые черные глазенки, густые кудри… Помню каждый твой шаг от первого дня до того самого часа, когда… когда… Потом наступили тяжелые времена… долгие годы поисков… надежд и разочарований… И все это время ты жил в моем сердце рядом со Златкой… маленьким черноволосым мальчиком… с тремя длинными шрамами на руке… Потому так легко и узнала тебя после стольких лет разлуки… Ведь ты – моя плоть… моя кровь…

Она судорожно сжала Сафар-бею пальцы. Широко открытыми глазами долго смотрела на него, словно старалась навсегда запомнить каждую черточку. Потом перевела взгляд на Младена.

– Младен, – прошептала совсем тихо, чуть слышно: каждое слово давалось ей с большим трудом. – Младен, положи свою руку… на руку… нашего Ненко… Вот так… Арсен, Златка… вы тоже…

Арсен и Златка подошли к изголовью, выполнили ее приказание.

– А теперь поклянитесь… поклянитесь… что никто из вас никогда… не поднимет друг на друга… руку… хотя и придется вам быть в разных станах… Умоляю вас!.. Не поднимайте оружия на моего сына!..

– Клянусь! – тихо произнес воевода…

– Клянусь! – глухо отозвался Арсен, и к его негромкому голосу присоединилось легкое, как вздох ветерка, Златкино:

– Клянусь!

Наступила тишина. Немая, тревожная.

– Ненко, а ты?..

– Клянусь! – выдавил из себя Сафар-бей и опустил глаза.

Арсену казалось, что за всю свою жизнь, полную тревог, смертей и невзгод, он никогда не переживал более тяжелых минут… Нестерпимо больно было смотреть ему на этих людей, в семью которых он входил, на их муки и страдания. Его огрубевшее в боях и неволе сердце мучительно щемило, а глаза наполнились слезами.

Младен сдерживал рыдания, клокотавшие глубоко в груди. Все опустили головы. Только Златка не скрывала слез.

– Не плачьте, – прошептала Анка. – Не нужно… Мы же все вместе… единою семьей… Я так счастлива…

Голос ее внезапно оборвался. Рука соскользнула с руки Сафар-бея и упала на белое шерстяное одеяло…

На крик Златки в хижину стали входить гайдуки.

7

Хоронили Анку на другой день в полдень. Вынесли в тисовом гробу на било – наивысший гребень горы, поднимавшийся над Планиной.

Ветер утих, тучи разошлись. Сияло яркое солнце. Вокруг – безмолвная тишина. В голубом небе торжественно парили ширококрылые черные орлы.

С горы была видна вся Планина: далекие вершины, присыпанные ослепительно белым снегом, глубокие темные ущелья, темно-зеленые сосновые и тисовые леса, голые хмурые утесы, где не ступала нога человека.

– Отсюда, Анка, тебе будет видна вся Болгария, – сказал Младен, первым бросая в могилу горстку земли. – Смотри на нее, орлица моя! Слушай песни весеннего ветра над родною Планиной, шум зеленых лесов в долинах, говор прозрачных звонких потоков… А как всколыхнется Планина, задрожит земля, знай: жив твой Младен, живы твои ясные соколы-гайдуки! Это они с саблями и самопалами в руках снова ринулись в бой за свободу любимой Болгарии!.. Так ли я говорю, братья?..

– Так, так, воевода! Так, отец наш! – откликнулись гайдуки.

– Ну, заканчивайте да прощайтесь! Пусть спит вечным сном наша майка!

На вершине быстро вырос могильный холмик. Гайдуки повытаскивали из-за поясов пистолеты, и горную тишину разорвал треск выстрелов. Постояли немного молча и начали потихоньку спускаться вниз.

– Тате, пойдем, – позвала Златка, тронув отца за рукав.

– Идите. Я приду потом, – тихо ответил воевода.

Он стоял с непокрытой головой, смотрел вдаль, где небо сливалось с горами. В сухих покрасневших глазах не было слез – только глубокая скорбь и острая боль.

Всем было понятно, что воевода хочет остаться наедине с дорогой могилой.

Арсен обнял Златку за плечи и повел с горы. Когда отошли до первого крутого спуска, оглянулся. На вершине, вместе с воеводой, остался также и Сафар-бей. На фоне ярко-голубого неба четко вырисовывались две темные неподвижные фигуры…

Только к вечеру спустились Младен и Сафар-бей в стан. Никто не знал, что произошло там между ними, о чем они говорили. Пройдя мимо хижин, Сафар-бей подошел к обрыву и сел на холодный заснеженный камень. Было что-то печальное и горестное в выражении его бледного лица, в устало опущенных плечах.

– Драган, пошли людей – пусть проведут его до Стивена, – приказал воевода.

– А как же… – Драган хотел спросить, завязывать ли снова глаза Сафар-бею, но промолчал. Что-то неуловимое во взгляде воеводы удержало его. Но Младен понял своего молодого друга.

– Нет, нет, повязки не надо, не надо! – сказал поспешно. – Я верю… Не посмеет он привести янычар на могилу матери своей…

Фирман

1

Гамид сидел в комнате Сафар-бея на мягком миндере и со злорадством смотрел на исполосованную кнутами спину старого Станка, подвешенного за вывернутые руки к потолку. Напротив замерли в ожидании приказа янычары – Карамлык и великан Абдагул.

– Ты уже старик, бай Станко, а ведешь себя, как неразумный подросток. Ай-ай-ай! – произнес Гамид спокойно. – Твое упрямое молчание свидетельствует не в твою пользу. Неужели хочешь, чтобы мы переломали тебе ноги, вырвали язык и

выжгли глаза? Не вынуждай нас делать это. Скажи, где Сафар-бей?

– Не знаю, ага, – прохрипел Станко.

– Но ведь следы ведут на твой двор, мерзкий гяур! Как же ты можешь не знать!

– В который раз говорю: Аллах – свидетель, не знаю, куда девался Сафар-бей!

– Тогда скажи, где искать Якуба! Не станешь же ты уверять, что не знаком с этим разбойником!

– Впервые слышу это имя!

– Не говори глупостей! Вчера вечером Якуб зашел с улицы к Сафар-бею. Его видел Карамлык. Но оттуда он на улицу не выходил. Нетрудно догадаться, какой дорогой он, выкрав бюлюк-пашу, покинул дом. Здесь не обошлось без твоей помощи, старый пес!

– И все же я не знаю никакого Якуба, провалиться мне в преисподнюю, если вру!

Гамид потерял терпение и крикнул:

– Абдагул, всыпь этому упрямому ишаку еще! Может, он поумнеет и припомнит то, о чем с таким упорством старается забыть!

Верзила Абдагул схватил болгарина за поседевшие волосы, ударил в грудь, отбросил от себя. Снова засвистел кнут. Страшная боль исказила лицо старика.

– Изверги! – прошептал несчастный. – Сил больше нет терпеть…

Гамид подал знак прекратить пытку.

– Ну, говори!

– Дайте воды.

Карамлык поднес к запекшимся губам старика кружку воды, которую тот с жадностью выпил. Но, утолив жажду, продолжал молчать. Только затуманенным взором уставился в мрачное сытое лицо спахии.

– Я жду, – процедил Гамид. – Где Сафар-бей?

Станко выплюнул из разбитого рта кровь, отрицательно кивнул головой. Лицо его распухло от побоев, туго связанные руки одеревенели. Он терял последние силы. Если бы не веревка, которой он был подвешен к потолку, то не устоял бы на ногах.

– Я его… и в глаза не видел, ага.

– Врешь! Вы увели его с Якубом!

– Клянусь, я не имею чести быть знакомым ни с каким Якубом!

– Невелика честь быть знакомым с разбойником… Да не выкручивайся: ты очень хорошо знаешь Якуба! Скажи – где он? Куда вы дели Сафар-бея?

– Напрасно пытаешь меня, ага. Мне ничего не известно ни о Сафар-бее, ни о Якубе…

Тихий, спокойный ответ Станко вконец разозлил Гамида.

Проклятый гяур! В чем только душа держится, а правды не говорит! Но он развяжет язык упрямому гайдуку! Ведь нужно же, наконец, узнать, где Сафар-бей, даже если бы пришлось замучить до смерти не одного, а тысячу болгарских собак! На это у Гамида были серьезные причины.

О таинственном, странном исчезновении Сафар-бея он узнал сегодня утром, возвратившись из Загоры от бейлер-бея. Неожиданное известие ошеломило его. Несмотря на то, что между ними в последнее время установились напряженные, даже враждебные взаимоотношения, Гамид не спускал глаз с молодого аги и очень волновался, когда тот находился в опасности. Объяснялось это тем, что Гамид был очень суеверен. А много-много лет назад, когда он с похищенными детьми воеводы Младена подъезжал к Загоре и, устав, присел отдохнуть на

камне у дороги, к нему неслышно, как тень, подошла старая цыганка. Ее тусклые черные глаза впились в его лицо.

«Позолоти руку, добрый ага, и я расскажу все, что случилось с тобой в жизни», – прокаркала старуха.

Гамид хотел прогнать ее, но цыганка отгадала его намерение и вцепилась смуглыми скрюченными пальцами в рукав:

«Не прогоняй!.. Вокруг тебя кровь, много крови. Черные думы бороздят твое чело… Я не буду говорить о былом… Позолоти, красавчик, руку, и я поведаю тебе, что ожидает тебя в будущем. Не пожалей для бедной цыганки куруша…»

Гамид заколебался. Будущее его пугало. Наугад сказанные цыганкой слова о крови заставили его вздрогнуть. Может, и вправду старая ведьма провидит будущее?

Он вытащил из кармана куруш. Цыганка с жадностью схватила монету, запрятала в густые складки пестрого одеяния. Быстро разметала карты.

«Будущее твое светло, добрый ага, – продолжала она. – Выпадает тебе богатство в дальней дороге. И почет, и уважение. Ожидал тебя тяжкий удар, но ты счастливо избежал его. А еще имеешь ты большой интерес в детях. Они не кровные, не родные тебе, ага, но тесно связаны с твоей судьбой. Настолько тесно, что я даже боюсь говорить…»

«Говори, старая!..» – прикрикнул встревоженный Гамид.

«Позолоти руку, счастливчик!»

Он бросил еще одну монету. Цыганка посмотрела на него тусклым взором, проскрипела:

«Далеко стелется твоя дорога, счастливчик. И все время рядом с тобой идут по ней двое. То отходят от тебя, то снова приближаются: дороги ваши пересекаются, как морщины на моем лице. И вот что странно: даже смерть твоя зависит от смерти одного из них…»

Гамид побледнел. Голос его задрожал:

«Детей?»

«Тех, что сопровождают тебя, ага…»

Цыганка исчезла так же неслышно и незаметно, как и появилась. А Гамид еще долго сидел на теплом камне, потрясенный услышанным. Со страхом смотрел на черное одеяло, под которым лежали укутанные, а вернее, связанные дети воеводы. «Тьфу, шайтан! Неужели моя судьба теперь зависит от участи гайдуцких последышей? Неужели для того, чтобы продлить свою жизнь, я должен радеть и о них?..»

Слова цыганки глубоко проникли в душу Гамида. Мистический страх за свою жизнь заставлял его долгие годы беречь Ненко и его сестренку, заботиться о них и о их будущем. Когда бейлер-бей, желая нанести беспощадный удар воеводе Младену, хотел уничтожить детей, Гамид выпросил для них помилования, а затем отдал Ненко под именем Сафар-бея в янычарский корпус, а Златку держал при себе вместе со своими детьми, дав ей имя Адике.

Как только он узнал сегодня, что при загадочных обстоятельствах исчез Сафар-бей, то немедленно начал розыски, которые навели на мысль, что Сафар-бей похищен. Куда же он делся? Что с ним? Жив ли? На это мог ответить только один человек – Станко. К его двору ведут следы… Он, пожалуй, многое знает и о Якубе, которого Гамид не без оснований считал своим смертельным врагом и хотел побыстрее убрать с дороги. Но проклятый болгарин молчит!

Гамид сам схватил тяжелый кнут и начал бить им старика по рукам, по лицу, по спине.

Станко извивался, пытаясь защитить хотя бы глаза.

– Ты мне признаешься, гяурский пес! – хрипел спахия, вкладывая в удары всю свою злобу. – Все скажешь!

– Я ничего не знаю… – стонал бай Станко.

– Где Якуб? Куда вы девали Сафар-бея?

– Я их не видел, ага. Аллах – свидетель.

Кнут засвистел снова. Гамид осатанел. Даже Абдагул и Карамлык отошли к стене, боясь, как бы и их не зацепило.

Неожиданно скрипнула дверь, и на пороге появился Сафар-бей. Гамид застыл с поднятым кнутом. В глазах – и удивление, и смятение, и радость, которые он не в состоянии был скрыть.

– Что все это означает, Гамид-бей? – спросил Сафар-бей, прикрывая за собой дверь и с удивлением оглядывая свою комнату. – Салям!

Гамид глупо улыбнулся, протянув к Сафар-бею руки, словно ждал, что тот кинется в его объятия. Но Сафар-бей сделал вид, что не замечает порыва спахии.

– Так что же здесь происходит? – повторил он свой вопрос.

Гамид отбросил кнут. Помрачнел.

– Когда исчезает янычарский бюлюк-паша, я должен узнать, куда он делся.

– И поэтому ты избиваешь этого несчастного? Что же он рассказал тебе?

– Я узнал от аскеров, что к тебе заходил Якуб…

– А еще что?

– Больше ничего. Но и этого достаточно для меня.

– Якуб – мой друг, – холодно сказал ага.

Гамид натянуто улыбнулся:

– Сафар-бей, дорогой мой, неужели мы так и будем говорить стоя посреди комнаты? Я сегодня вернулся от бейлер-бея и привез очень важный фирман султана. В нем говорится о новом походе на урусов. Может, мы поговорим обо всем наедине?

– Хорошо, – мрачно согласился Сафар-бей.

– Тогда прикажи вывести эту гайдуцкую собаку и запереть в подвал.

Сафар-бей кивнул аскерам:

– Выведите его и отпустите!

Карамлык и Абдагул бросились отвязывать Станко. Гамид недовольно засопел:

– Сафар-бей, ты допускаешь ошибку. Этот болгарин причастен к твоему похищению! Его надо допросить!

– Ты сам ошибаешься, Гамид-ага, – спокойно ответил Сафар-бей. – Никто меня не похищал… Якуб у меня действительно был. Он принес мне важную весть, которая и заставила меня отправиться в путь.

– Куда?

– А это моя маленькая тайна, Гамид-ага. Как тебе известно, я не евнух. И потому нетрудно догадаться, какие чувства заставили меня ненадолго покинуть свой отряд…

Гамид недоверчиво покосился на Сафар-бея, но ничего не сказал. Карамлык и Абдагул подхватили Станко под руки и поволокли из комнаты.

Сафар-бей плотно прикрыл дверь, взбил на мягкой оттоманке миндер, предложил Гамиду сесть.

– Теперь поговорим, Гамид-ага. Что нового у бейлер-бея? О чем пишет наияснейший султан в своем фирмане?

2

Стара Планина была наилучшим пристанищем и убежищем для гайдуков. Во всех малодоступных местах – на высокогорных лугах, в глубоких темных ущельях, в чащах вековечных девственных лесов – стояли темные сосновые хижины, срубленные пастухами-горцами по приказу гайдуцких воевод прежних времен. Хижины эти были приземисты, неказисты, но надежно защищали людей от осеннего ненастья и зимних холодов.

В одну из таких заснеженных мрачных долин к Гайдуцкой пещере привел свою дружину воевода Младен. Похоронив Анку, он ни дня не хотел оставаться там, где все напоминало о ней. К тому же к Сливену его влекло желание отомстить Гамиду.

Пока гайдуки рубили дрова, растапливали в хижинах печи, готовили горячую пищу, Драган, переобувшись после долгого перехода в сухие сапоги, подошел к воеводе:

– Думаю, бай Младен, мне не мешало бы прогуляться в город. Нужно оповестить наших людей, где мы расположились.

– Ты устал, Драган.

– И все-таки отдыхать некогда. Сафар-бей уже прибыл в Сливен, и нам необходимо проведать о его намерениях относительно нас. Интересно также узнать, что поделывает Гамид…

– Ты настоящий юнак, Драган! Когда мне придется перебираться в лучший мир, я распрощаюсь с землей без сожаления: ты продолжишь дело, за которое я боролся всю жизнь! – с чувством сказал воевода. – Ну что ж, иди! Но будь осторожен…

Драган ушел.

Возвратился он неожиданно быстро – перед рассветом. Младен очень удивился, так как раньше, чем на второй день, да и то к вечеру, не ждал его.

– Что случилось, Драган? Ты вернулся с полпути?

– Да. Но не один. Со мною – Димитр… Нам обоим повезло: он торопился из Сливена в наш прежний стан, где никого не застал бы, а я топал в Сливен, где напрасно разыскивал бы его, – потому благодарим всех святых, что началась вьюга. Она загнала нас в Медвежью пещеру, где мы и встретились, к радости обоих.

– Где же Димитр? Зови его сюда! – Воевода накинул на плечи кожух, раздул в устье печки огонь. – Он, наверное, может многое рассказать…

– Да, пришел он не с пустыми руками.

Через минуту в хижину вошел Димитр, сбил с длинных обвислых усов снег. Младен обнял его, посадил возле огня. В хижине проснулись все: Звенигора, Спыхальский, Грива, Златка, Якуб, Яцько. Каждому хотелось узнать новости.

Марийка подала на стол хлеб и жареную козлятину, но Димитр не притронулся к еде. В печи разгорелись сухие сосновые сучья, и пламя осветило лицо ятака. На нем проступала тяжелая усталость, – видно, не легко было пробираться по заснеженным горам окольными путями. В глазах застыла тревога.

Все, конечно, понимали, что только очень важная причина могла заставить Димитра покинуть Сливен и самому, не ожидая гайдуцкого связного, двинуться в горы.

– Что случилось, бай Димитр? – спросил воевода, пожимая гостю руку.

Димитр тяжело вздохнул:

– Станко пытали…

– Как? Кто это сделал?

– Гамид… Все допытывался, проклятый, куда девался Сафар-бей. А также интересовался Якубом.

– Ну?..

– Станко ничего не сказал. Да он и не знал ничего, кроме того, что я причастен к этой истории. Но меня он не выдал. А подозрение на него пало потому, что наши следы вели к его двору…

– Жаль Станко, – сказал Драган. – Он жив? В безопасном месте?

– Да. Аскеры притащили его чуть живого и бросили во дворе, как собаку… Но крепок старик! Не успела жена ввести в дом и отпоить молодым вином, как он сразу же приказал позвать меня…

Димитр провел рукой по лицу, вытирая с оттаявших в тепле бровей и усов холодные капельки воды.

– Что-нибудь важное? – спросил воевода Младен.

– Очень важную новость сообщил мне Станко… Гамид при нем обмолвился о султанском фирмане, в котором идет речь о новом походе на руснаков. Думаю, было бы интересно знать подробное его содержание, бай Младен, а?.. Вот почему я так торопился к вам…

– Спасибо тебе, друг Димитр! – с чувством произнес воевода. – Спасибо тебе от всей Болгарии за верную службу… Ты принес очень важное известие, и мы теперь сообща подумаем не только над тем, как захватить Гамида, но и как овладеть султанским фирманом.

– А что это за штука – фирман? – спросил протяжно степенный Грива.

– Фирман, друзья, – это султанский указ, – пояснил воевода. – Если бы нам удалось раздобыть его, мы смогли бы узнать о необычайно важных и серьезных делах. Если в нем действительно говорится о новом походе султана на Украину, то мы узнали бы о начале его, количестве войск и кому из пашей поручено возглавлять поход. Так я думаю…

– Гм, то было бы вправду хорошо раздобыть ту штукенцию, панство! – прогудел Спыхальский.

– Конечно, – поддержал его Арсен. – Во что бы то ни стало мы должны немедленно выступить в Сливен…

Он вопросительно взглянул на воеводу, ожидая его поддержки.

Воевода Младен немного помолчал, должно быть в мыслях решаясь на что-то. Потом сказал:

– Ясно одно – мы должны это сделать немедленно. Но как? Кто пойдет на это?

– Гамид живет в хане Абди-аги, – вставил Димитр. – Его охраняют.

– Мы с Драганом уже бывали в том хане, – промолвил Арсен. – Думаю, и теперь следует идти нам. Двоих вполне достаточно.

– Нет, пожалуй, втроем лучше, – засомневался Драган.

– Тогда я – третий! – поднялся Спыхальский.

– Нет, нет, пан Мартын, – поспешил отказаться Арсен от помощи своего шумливого запальчивого друга. – Мы на тебя и одеяния янычарского не подберем.

– Тогда пойду я, – произнес Якуб. – Мне…

Но Златка вдруг перебила его:

– Нет-нет, за третьего буду я! Я очень хорошо, лучше всех вас, знаю Гамида, его повадки. По скрипу половиц под ногами я могу узнать не только его самого, но даже в каком он настроении…

– Ну что ты, Златка, – начал Арсен. – Там нужен воин, который умел бы…

Девушка не дала казаку закончить мысль:

– …который умел бы стрелять, хочешь сказать?.. Отец, скажи ему! – обратилась она к воеводе.

Младен развел руками. Неожиданное заявление дочери наполнило его сердце гордостью: он вдруг увидел в ее характере то, чего сам желал своим детям, когда они появились на свет, – смелость, решительность, верность отчизне и готовность отдать за нее жизнь. Но как отпустить ее, девушку, на такое опасное дело?

Он заколебался.

– Да, Златка умеет хорошо стрелять, – произнес погодя. – И на коне ездит… Но сможешь ли ты, – обратился он к ней, – проявить выдержку и силу духа в обстановке, в которой вы окажетесь там, в хане Абди-аги?

– Выдержку и силу духа только и можно проявить в сложной обстановке. А как иначе?

Здесь вмешался Драган.

– А я вот думаю, – сказал он, – Златка будет полезна нам больше, чем кто-нибудь другой. Она прекрасно знает турецкий, одно это уже много значит. Кроме того, вдруг все сложится так, что она окажется необходимой, как приманка для Гамида.

Девушка благодарно взглянула на молодого гайдука. Арсен же остался недоволен словами друга и хотел резко возразить ему. Однако Младен прекратил их спор.

– Я согласен, – решил он. – Дочь воеводы вправе подвергать себя опасности наравне со всеми… Теперь, друзья, обдумаем все получше – и в путь!..

Из-за Родопских гор подул теплый ветер, и снег сразу посерел, пропитавшись водой. По улицам Сливена зажурчали быстрые ручьи.

Возле хана Абди-аги остановились три всадника. Судя по одежде, это были два чорбаджия спахиев и молоденький аскер-слуга. Привязав лошадей к коновязи, они направились к дверям.

В хане было полутемно и пусто, если не считать четырех спахиев, которые после сытного обеда дремали в углу за столом, да самого кафеджи[6 - Кафеджи? (тур.) – хозяин кофейни.] Абди-аги. Увидев незнакомых посетителей, кафеджи сложил в приветствии руки перед длинной седой бородою и с неожиданной для его возраста резвостью кинулся навстречу гостям:

– Салям, правоверные! Мой дом к вашим услугам.

Несмотря на то, что в городе было много войск, постоялый двор не приносил его хозяину желаемой прибыли, и Абди-ага искренне радовался каждому новому человеку, переступающему его порог с курушем в кармане.

– Ночлег и обед для троих, – произнес один из прибывших, бросая на стол золотую монету.

Абди-ага низко поклонился высокому красивому спахии, который с такой небрежной легкостью разбрасывается золотыми динарами, словно он испанский инфант[7 - Инфант – титул принца королевского дома.].

– Все будет к вашим услугам, высокочтимый ага!

Он провел прибывших на второй этаж своего большого дома, открыл изъеденную шашелем дверь и ввел в просторную комнату. Цветные стекла окон пропускали мало света, и здесь было сумрачно, как и внизу. Повеяло застоявшимся воздухом помещения, в котором редко живут люди.

– Располагайтесь, высокочтимые! Сейчас слуга принесет вам обед, – сказал Абди-ага и, взглянув на высокого чорбаджию, в котором признал старшего, спросил: – Осмелюсь узнать, ага, как долго вы собираетесь погостить у меня?

– Это может зависеть от многих обстоятельств, кафеджи-ага.

– Почтенный ага бывал в нашем городе? Мне кажется, я уже имел честь встречаться с…

– Ошибаешься, кафеджи-ага. В Сливене я впервые, – перебил тот, поворачиваясь спиною к окну, чтобы свет не падал ему на лицо.

– Возможно, я и ошибся. У меня останавливается много разного народа, да и зрение стало слабеть с годами. Пусть извинит меня высокоуважаемый ага, – пробормотал хозяин, пятясь к дверям.

– Как ты думаешь, Арсен, узнал он тебя или ему действительно показалось что-то знакомое в твоем лице? – с тревогой спросил молодой аскер, когда затихли шаги кафеджи.

– Не волнуйся, Златка. В этом одеянии меня и родная мать не узнает, а не то что этот старый турок. Но осторожность нам не помешает, – ответил Арсен, снимая полосатый архалук спахии из дорогого сукна. – Думаю, все будет хорошо. Тем более что мы здесь не задержимся.

– И все же я пойду проверю, не донесет ли на нас этот старый лис, – сказал третий спахия. – Меня здесь никто не знает.

– Иди, Драган, но не мешкай, – согласился Арсен. – Гамид должен вот-вот прибыть…

Драган вышел.

В комнате наступила та тревожно-радостная тишина, когда остаются наедине двое влюбленных, между которыми еще не установилось такой близости, что позволяла бы держать себя непринужденно. Златка подошла к окну с мутными, давно не мытыми стеклами с таким видом, словно хотела рассмотреть что-то на площади. Арсен любовался ее невысокой стройной фигуркой, нежным овалом лица, тонким черным локоном, предательски выбившимся из-под шапки аскера.

– Златка!

Девушка тут же обернулась, будто ждала его восклицания. В ее глазах вспыхнула радость. Арсен подошел порывисто, взял девушку за руки.

– Любимая, я еще раз прошу тебя: пока не поздно, оставь нас с Драганом вдвоем! Это очень опасная затея…

– Арсен, я сама настояла на этом, и отец мне позволил…

– А я не позволяю, – он обнял ее. – Слышишь? Не позволяю! Ты подвергаешься страшной опасности!

– С тобой мне ничего не страшно, мой юнак! Я верю – все закончится благополучно…

Она попробовала освободиться из его объятий, но делала это скорее инстинктивно, так как душа ее рвалась к нему. Алели ее уста, глаза сияли. Губы Арсена нашли ее уста и обожгли неведомо сладким огнем, проникшим в самое сердце…

– Ой!

– Любимая! Хотя бы теперь послушай меня! Я буду спокойнее, когда буду знать, что ты в безопасности, – шептал Арсен, – что тебе ничто не угрожает… Почему ты не послушалась меня раньше, еще там, в стане?

– Теперь тем более никуда не уйду от тебя, – ответила Златка. – Я не хочу пережить тебя…

Арсен с изумлением любовался прекрасным созданием, которое все глубже и глубже входило в его жизнь, становилось таким родным и дорогим, что он готов был отдать за него все, даже жизнь.

За дверями послышались шаги. Вбежал встревоженный Драган.

– Он все-таки узнал тебя, Арсен!

Звенигора и Златка кинулись к гайдуку. Но Драган их успокоил:

– Не волнуйтесь! Я позаботился о том, чтобы Абди-ага не помешал нам.

– Говори толком, Драган! Что случилось?

– Я спустился вниз вовремя. Абди-ага как раз подошел к спахиям и хотел им что-то сказать. В этот миг я и позвал его. Кафеджи, как я заметил, смутился, вздрогнул, но все же подошел ко мне. Спросил: «Что угодно высокочтимому аге?» Я объяснил, что хотел бы поставить лошадей в конюшню. Он вышел со мною во двор. В конюшне, как я и надеялся, никого, кроме нас, не оказалось. Не долго думая, я скрутил старику руки, заткнул рот кляпом и запер в каморке. Пусть померзнет, коварный пес!

– Да, нехорошо вышло. Если начнут его искать, поднимется переполох.

– Пока это случится, мы будем далеко. Гамид только что прибыл в хан…

– Правда? Ты посмотрел, где он остановился?

– Да. На другой половине. Его охраняет лишь один аскер – дремлет на оттоманке возле окна. Думаю, мы с ним легко справимся. А вот те четверо, что внизу…

– Ну что ж, придется Гамида прикончить здесь!

– Нет, приказ воеводы ясен: мы должны доставить его живым!

Арсен на это ничего не ответил, но по выражению его лица было заметно, что он не очень одобряет приказ воеводы. Была бы его воля, не возился бы он со спахией!

Проверив пистолеты, они вышли в длинный полутемный коридор. В конце его, возле окна, стоял часовой. Заметив трех незнакомцев, он медленно направился к ним, вероятно желая получше их рассмотреть.

– Салям! – приветливо сказал Арсен. – А что, почтенный, Гамид-ага вернулся уже домой?

Не ожидая, что с ним заговорят о его хозяине, часовой подозрительно взглянул на незнакомого спахию.

– Вы знаете Гамида-агу?

– Еще бы! Давние друзья! Мы привезли ему привет от его зятя Ферхада и дочки Хатче, а также от свата Исхака-эфенди…

– О, ага знает моих добрых хозяев! – обрадовался тот. – Что нового в наших краях? Вы давно оттуда?

– Не так давно. – Арсен по-приятельски похлопал его по спине, взял под руку. Они медленно шли вдоль коридора. – Всего месяц…

Часовой вдруг задергался: сильная рука Драгана зажала ему рот, а казак сдавил в объятиях, как в тисках. Златка быстро открыла дверь ближайшей комнаты, и гайдуки вмиг впихнули его туда. Насмерть перепуганный, он с ужасом наблюдал, как ему связывают руки и ноги.

– Хочешь жить – лежи спокойно! – пригрозил Арсен. – Вечером тебя найдут твои друзья…

Чтобы он не подкатился к дверям, его привязали к кровати.

– На всякий случай, – буркнул Драган, затягивая узел покрепче.

Гайдуки вышли в коридор. Златка подала знак, что все спокойно. Можно было приниматься за Гамида.

– Вот тут, направо, – прошептал Драган, оставаясь на страже.

Подойдя к двери, Арсен и Златка прислушались… Тихо. Значит, Гамид в комнате один… Арсен вытащил из-за пояса пистолет, взвел курок, левым плечом нажал на дверь.

Гамид, сидя спиной ко входу и не подозревая об опасности, спокойно, не повернув головы, спросил:

– Что случилось, Энвер?

– Салям, Гамид! – произнес Арсен.

Гамид стремительно обернулся. Увидев блестящее дуло пистолета, как завороженный, не мог отвести от него взгляд. Он мгновенно побледнел, нижняя челюсть отвисла, задрожала… Наконец он посмотрел на незнакомцев, которые осмелились так нагло, днем, когда в городе полно войск, ворваться сюда. Узнал казака.

– Звенигора? О Аллах!

– Не только, – выступила вперед Златка, снимая шапку. – Салям, ага!

– Адике!.. – простонал Гамид. – Что вы хотите от меня?

– Султанский фирман! – Арсен подошел ближе.

– Фирман? – Гамид был изумлен: он ждал худшего. – У меня его нет…

– Где же он?

– Я отдал Сафар-бею.

– Жаль… Тогда придется без лишних разговоров застрелить тебя.

У Гамида от ужаса отнялся язык.

– М-м-м! – замычал он.

– Златка, посмотри хорошенько: может, фирман здесь, а Гамид просто морочит нам голову?

Златка бросилась на поиски.

– Подождите! – воскликнул наконец спахия. – Вы все равно не найдете! Договоримся по-хорошему: я вам – фирман, а вы мне – жизнь. Согласны?

Он представлял всю безвыходность своего положения, это наполняло его сердце злобой и отчаянием. О Аллах, что творится с ним! Минуту назад он чувствовал себя в полной безопасности, имел власть и считался третьим, после околийного паши и Сафар-бея, лицом в городе и околии. А теперь… Смерть глядит ему в глаза, и он не знает, как увернуться от нее, потому судорожно хватается за любую возможность спастись. Фирман, конечно, очень важный документ, и за его утрату бейлер-бей по головке не погладит, но думать об этом перед лицом близкой смерти было неразумно и смешно. Разговор с бейлер-беем будет потом… потом… А может, и совсем его не будет! Главное – сохранить жизнь! Неужели никак не спастись? О Аллах экбер!..

– Мы не торгаши, – сурово сказал Арсен. – Где фирман? Я не верю, что он у Сафар-бея!

– Вот он! – вскрикнула Златка, вынимая из темной шкатулки плотный свиток бумаги.

Гамид сорвался с места:

– Адике, не смей! Это секретный приказ! За него всем нам снимут головы!

– Тем интереснее узнать, о чем пишет султан в таком важном фирмане, – сказал Арсен. – Златка, читай!

Златка пробежала глазами написанное.

– О! Действительно важный приказ! – воскликнула она. – Султан оповещает военачальников и войска, что за позорное отступление из-под Чигирина в прошлом году великий визирь Ибрагим-паша и крымский хан Селим-Гирей лишены всех чинов и сосланы на остров Родос в Белом море. Великим визирем назначается паша Асан Мустафа. Падишах приказывает ему стереть с лица земли проклятый город Чигирин, захватить Киев и Левобережную Украину, а Запорожскую Сечь взорвать. Всех запорожцев на арканах притащить в Порту и продать на галеры! С этого года вся Украина должна стать вилайетом Османской империи!

– Адике! – зашипел Гамид. – Ты понимаешь, несчастная, что ты делаешь? Ты выдаешь важнейшую государственную тайну! Отныне ты вне закона и не можешь рассчитывать ни на чье заступничество… О вай-вай, Аллах покарал меня за то, что я считал тебя своей дочерью и дал такое же образование, как и Хатче, – научил читать и писать, что противоречит духу Корана, о вай-вай!..

– Напрасно Гамид-ага печалится о каком-то фирмане. Это всего-навсего клочок плотной и прочной бумаги, – сказал Арсен. – Подумал бы о себе… Мы пришли не только за фирманом.

Животный страх вновь засветился в глазах Гамида. Только сейчас он окончательно осознал, что его ждет, если он попадет в руки Младена и Якуба. Он сполз на пол и упал перед Златкой на колени. Обхватил ее ноги руками, прижался жирной щекой к мокрым, холодным от талого снега сапожкам девушки. Из его груди вырвался стон.

– Адике! Дорогая! Я же был тебе отцом… В Аксу ты не знала горя… Неужели ты позволишь, чтобы меня подвергли пыткам?.. Вспомни Хатче… Она была тебе сестрой… Вы были неразлучны… Неужели хочешь осиротить ее?.. Адике, я знаю: я негодяй… я принес горе твоим родителям… Но ни ты, ни твой брат не имеете причин мстить мне за себя; я дал вам все то, что и своим детям… Если ты не спасешь меня, Аллах проклянет тебя, и ты будешь скитаться неприкаянной до самого воскресения мертвых! Адике…

Златка замерла в нерешительности. Гнев и ненависть, охватившие ее существо, когда узнала, кто такой Гамид, теперь мгновенно испарились, как утренняя роса под лучами солнца. У ее ног лежал человек, которого она знала многие годы и который действительно не сделал ей ничего плохого, одаривал подарками, баловал лакомствами наравне с Хатче, своей дочерью-любимицей.

В ее глазах блеснули слезы. Она с мольбой взглянула на Арсена, прося совета и поддержки.

– Хватит болтать, Гамид! – сказал Арсен. – Вставай! Не пытайся разжалобить сердце девушки! Не поможет! Сейчас ты пойдешь с нами… И не вздумай сказать что-либо своим людям или подать им знак, если не хочешь немедленно умереть!

– Я не с тобой говорю, гяур! – окрысился Гамид и снова припал щекой к ноге Златки, содрогаясь от плача и страха.

– Арсен, оставим его… – Голос Златки дрожал. – В конце концов, прошло столько времени… Скажем отцу и Якубу…

Она не договорила. Широко распахнулась дверь, и в комнату вошел Сафар-бей, а за ним растерянный Драган.

4

Увидев Зненигору с пистолетом в руке, Гамида, ползающего в ногах у Златки, Сафар-бей остановился как вкопанный. Он оглянулся на Драгана, которого принял за стражника Гамида, но вместо сочувствия заметил в его глазах враждебность, а в руке – взведенный курок пистолета.

– Что все это значит? – воскликнул ошеломленно. – Златка, как ты очутилась здесь?

Не успела Златка ответить, как Драган выхватил у Сафарбея из-за пояса пистолет, а из ножен – саблю. Потом поспешно отскочил к дверям и стал там на часах, поглядывая сквозь узкую щель в коридор.

Положение существенно изменилось. Арсен переглянулся с Драганом: что они могли сделать? Вывести с собой обоих? Маловато сил. Взять только Гамида, а Сафар-бея, связав, оставить в комнате? Но разве тот позволит себя связать? Наверняка окажет сопротивление, во время которого подвергнутся опасности и он сам, и Златка. Что тогда скажет воевода Младен? А кроме того, не исключена возможность, что Сафар-бей прибыл сюда с охраной, которая может вот-вот нагрянуть и схватить их всех.

Пока Арсен и Драган, обменявшись взглядами, решали, как поступить, Сафар-бей мигом представил, что здесь произошло перед его приходом. Он заметил и фирман в руке у Златки, и сникшего Гамида, продолжавшего стоять на коленях, и растерянность на лице сестры. Заметил – и понял, в какое сложное положение

попал. В данную минуту сила была, конечно, не на его стороне. И тем более не на стороне Гамида. За свою жизнь не боялся: помнил, как гайдуки, а с ними и Звенигора давали его матери клятву не поднимать руки на ее сына. А вот за жизнь Гамида он не дал бы и полкуруша: достаточно Арсену или Драгану нажать на курок, и он очутится в райских садах Аллаха! Но он, Сафар-бей, не мог, не имел права допустить, чтобы на его глазах гайдуки убили мусульманина, верного защитника падишаха. Этого ему никогда не простили бы ни воины, ни бейлер-бей. Поэтому, пренебрегая опасностью, он бросился к Гамиду, поднял его и, став перед ним, резко произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Костка Напе?рский (ок. 1620 – 1651 гг.) – руководитель крестьянского восстания в Польше в 1651 г.

2

Балканджия (болг.) – горец.

3

Епанча? (тур.) – плащ, длинная широкая накидка.

4

Какво? правите? (Болг.) – Как дела?

5

Баща? (болг.) – отец.

6

Кафеджи? (тур.) – хозяин кофейни.

7

Инфант – титул принца королевского дома.

Купить: https://tellnovel.com/malik_vladimir/firman-sultana

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити